

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

=

III.

DECEMBER 1877

ALHAMBRA

III

№58

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи представлены были
въ Ценсурный Комишентъ при экземпляра.

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1834 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

Изданіе книгопродавца Смирдина.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

Франкфуртъ, Іюля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Бергенъ, кошорой имя очень извѣстно: подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною Гановерскою и Гессенскою арміею; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, копорые оспались побѣдителями, Маршалъ Брольи.

Въ здѣшней рапушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показываютъ путешественникамъ шу залу, въ кошорой обѣдаетъ новоизбранный Императоръ, и гдѣ спояшъ поршпрешы всѣхъ Императоровъ ошъ Конрада I до Карла VI. Кшо не пожалѣешъ червонца, шопшамъ же въ Архивъ можешъ видѣшъ и славную золотую Буллу, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами,
Томъ III.

написанный на 43 пергаментныхъ листахъ и названный симъ именемъ ошъ золошой печати, висящей на черныхъ и желшыхъ шелковыхъ снуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на шронъ, а съ другой спороны Римская крѣпосшь, или такъ называемой зàмокъ *Св. Ангела* (il castello di S. Angelo) съ словами aurea Roma (золошой Римъ), копорыя расположены въ шрехъ линіяхъ такимъ образомъ:

$$\begin{pmatrix} a & u & r \\ e & a & r \\ o & m & a \end{pmatrix}$$

Я былъ и въ каѳедральной церкви Каполиковъ, гдѣ по усшаву Майнцской Архіепископъ коронуешъ избраннаго Императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза спашуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ плашьѣ. Часто ли шьюшъ ей обшовы? спросилъ я у моего провожащаго. Изъ году въ годъ, ошвѣчалъ онъ. — Хошя главная церковь въ городѣ принадлежишъ Каполикамъ, однакожь господсшвующая Религія во Франкфуртѣ ешъ Люшеранская, и Каполицкому Духовенсшву запрещено ходишъ въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформатовъ, большею частію Французовъ, выгнанныхъ изъ ошечесшва Людовикомъ XIV; но они не могушъ имѣшъ учасшія въ правленіи города, и даже не смѣюшъ всенародно ошправляшъ своего богослуженія, въ шакомъ городѣ, гдѣ Жидаы имѣюшъ Синагогу. Такая нештерпимосшь конечно не служишъ къ чесшн Франкфуртскаго Правительсшва.

Жидовъ счисляется здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жишъ въ одной улицѣ, копорая такъ нечиста, что нѣльзя ишши по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ несчастныхъ людей, споль униженныхъ между чело-вѣками! Плашье ихъ состоитъ по большой часпи изъ засаленныхъ лоскушковъ, сквозъ копорое видно нагое шѣло. По Воскресеньямъ, въ шопъ часъ, когда начинается служба въ Хрисіянскихъ церквахъ, запирають ихъ ули-цу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидяшъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запирають ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, ешъли случится въ городъ пожаръ, то они обязаны везти шуда воду и шушишъ огонь.

Между Франкфуршскими Жидами ешъ и бо-гашые; но сіи богашые живушъ такъ же нечи-сто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ чело-вѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учпи-во. Молодая жена его, родомъ Француженка, говоришъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но шолько въ сіи два часа чего не вы-терпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣшъ ихъ Синагогу. Я во-шелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно поклоняшъ Тебѣ? Слабо горѣли свѣшильники въ обремененномъ гнилостію воз-духѣ. Уныніе, горесъ, спрахъ, изображались

*

на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланишы не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то пресупниковъ, съ препешомъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молишь судію своего о помилованіи. «За чѣмъ вы пришли сюда?» (сказалъ мнѣ попъ умный Жидъ, у котораго я былъ въ госпяхъ.) «Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ въ Іерусалимѣ: тамъ Всевышній благоволилъ являться своимъ избраннымъ. Но разрушенъ храмъ великолѣпный, и мы, разсѣянные по лицу земли, приходимъ сюда съповашь о бѣдствіи народа нашего. Оспавъте насъ; мы представляемъ для васъ печальную каршину.» — Я не могъ опвѣчашь ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находяшся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, поржеспвующіе Хрисшіяне. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе духа общественности, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ по упру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докшоръ Н*. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ. «Не правда, государь мой! опвѣчалъ съ жаромъ Израильнянинъ: мы не безче-

стинѣ Христіянъ.» Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду для того, чшобы размѣняшъ нѣсколько червонцевъ на Французскіе шалеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: *Мендельзоновъ Іерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великой человѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. «Вы знаете его; (спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою.) Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я? «Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тушъ Жидъ мой бросилъ на столъ шалеры, и началъ мнѣ хвалишъ Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повпореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ! — Здѣшніе Актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціанскаго Купца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходишъ въ Театръ, есшъли сія драма, въ кошорой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захошѣлъ лишишъся части своего сбора, и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Спразбургъ: черезъ Дармштадтъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хошѣлось видѣть Шпарка, придворнаго Дармштадтскаго Проповѣдника, то я нынѣ по ушру нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштадтъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе къ Дармштадту (до котораго считается отъ Франкфурта три мили) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчана, индѣ очень выбиша — и пошому я еще болѣе упвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать чрезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выспроены, и вездѣ находилъ я шракширы подъ разными, опчасши спранными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштадту начинается очень хорошая мостовая. Тутъ опкрылся мнѣ и городъ, лежащій близъ покрышыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разспояніи очень изрядную каршину.

Оспановясь въ шракширъ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Шпарку, а самъ бросился на кресла опдыхать; но черезъ нѣсколько минушъ позвали меня обѣдать. Въ споловой комнашѣ нашелъ я человѣкъ восемь, порядочно одѣшыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Спразбурга, подро-

бно разсказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней предъ симъ буншovala шамонная чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ худо, что шрудно было ошъ смѣха удержаться — на примѣръ: *ильз-онъ дешире ла мезонъ де виль; ильз-онъ бриле (brulé) ле докиманъ (le documens); иль вуле бандръ (prendre) ле машистра (magistrats)*. — Тупъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Шшарка нѣшъ въ Дармшшашъ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. «Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ сидѣвшій подлѣ меня человекъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ шрудомъ могли попушить пожаръ.» Ошъ всего сердца жалю о Шшаркѣ. Дорога человѣку добрая слава — и съ какимъ легкомысліемъ похищаемъ мы другъ у друга сіе сокровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кшо зналъ шакъ хорошо сердце человѣческое, какъ ты? Кшо убѣдительное швоего предсшавилъ все безумшво злословія?

Good name in man and woman, dear my Lord,
Is the immediate jewel of their souls.
Who steals my purse, steals trash; 'tis something, nothing,
'Twas mine, 'tis his, and has been slave to thousands;
But he, that filches from me my good name,
Robs me of that, which not enriches him,
And makes me poor indeed *.

* Т. е. «Доброе имя есть первая драгоценность души нашей. Кшо крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, шеперь спалъ его, и прежде служилъ ты-

Златые Пифагоровы стихи кажутся мѣдными подлѣ сихъ спрокъ, копорыя всякому человѣку, Хрисіянину и Турку, Индѣйцу и Африканцу, надлежало бы вписашъ незагладымыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштаптѣ такъ называемый домъ экзерциціи, въ копоромъ можешъ учишся цѣлый полкъ, и въ копоромъ хранишся множесшво всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ копоромъ счищается не болѣе 300 домовъ; потомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

Два раза былъ я въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствію моему, играли очень неважныя Французо — Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимали болѣе зрители, нежели актеры; а замѣшилъ я единственнo то, что молодые люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходяшъ въ Театръ не шумѣшъ, а слушаешъ піесы, или — зѣваешъ.

Майнцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шестъ часовъ вечера пріѣхалъ я въ Майнцъ въ дилижансѣ или въ почтовой ка-

сячѣ другихъ людей. Но кпо похищаешъ у меня доброе имя, шопъ самъ не обогащается, а меня дѣлаешъ бѣднѣшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.»

решѣ, въ кошорой поѣду до самага Спразбурга.

Какая гладкая дорога ошѣ Франкфурша до Майнца! Какіе пріятныя виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Майнцу, увидѣлъ я на лѣвой споронѣ величественный Рейнъ и шихой Майнъ, текущіе почти рядомъ; а на правой виноградные сады, кошорыхъ не лзя обнять глазами. Любезные друзья! какъ радостно билось мое сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ вижу тебя (думалъ я) — вижу, и благословляю царя водъ Германскихъ въ гордомъ его печеніи!

Майнцъ лежишѣ на западномъ берегу Рейна, гдѣ впадаетъ въ него Майнъ. Въ городѣ улицы узки, хорошихъ домовъ мало, церквей, монастырей и монаховъ великое множество. — «Угодно ли вамъ видѣшѣ кишки Св. Бонифація, кошорыя храняшся въ церкви Св. Іоанна.» спросилъ у меня съ важнымъ видомъ наемный слуга. Нѣшѣ, другъ мой! опвѣчалъ я: хошя Св. Бонифацій былъ добрый человекъ и обрашилъ въ Христіанство Баварцевъ, однакожь кишки его не имѣюшѣ для меня никакой прелести. Поведи меня лучше за городъ. — Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучъ солнца и картину зеленыхъ береговъ.

Возвратясь въ пракширъ, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешественниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвейнъ какъ воду. Я попребовалъ у пракширщика бушылку Гохгеймскаго вина, и пришомъ самага спараго,

какое только есть у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохгеймское считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Рейнскихъ винъ. «Вы конечно поблагодарите меня за эшотъ некшаръ (сказалъ мнѣ услужливый пракширщикъ, спавя передо мною бутылку): я получилъ его въ наслѣдство отъ моего отца, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ.» Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обонянія. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пилъ, любовался свѣтлостію вина, подчивалъ сидѣвшихъ подле меня, и былъ доволенъ какъ царь. Скоро бутылка опорожнилась. Тракширщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Коспгеймское вино, полученное имъ также въ наслѣдство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаешь честь памяти покойника, сказалъ я, — вспалъ и пошелъ въ свою комнату.

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ пятью товарищами, и по западному берегу Рейна, черезъ Оппенгеймъ и Вормсъ, пріѣхалъ въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ споль — вездѣ прекрасныя деревни — вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя деревья — груши, яблоки и Грецкіе орѣхи расшутъ на дорогѣ (зрѣлище, въ воспоргѣ приводящее сѣвернаго жишеля, привыкшаго видѣть печальныя сосны и пошомъ орошаемые сады, гдѣ Аргусы съ дубинами спояшъ на караулъ!) И между сими-то щедрыми долинами мчишся почтенный, винородный Рейнъ, неся на волнишомъ хребшъ благословенные плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ спранахъ опдаленныхъ и не споль облагодѣшельспвованныхъ Природою!

Но гдѣ бѣдспвіе не посѣщаешъ опъ женъ рожденныхъ? Гдѣ небо грозными шучами не покрываешся? Гдѣ слезы гореспи не ліюшся? Здѣсь ліюшся онѣ, и я видѣлъ ихъ — видѣлъ шоску поселянъ нещаспныхъ. Рейнъ и Неккеръ, наполнившись опъ дождей, яроспно разлили воды свои и зашопили сады, поля и самыя деревни. Здѣсь неслась часть домика, гдѣ обишали передъ шѣмъ покой и довольспвіе — шутъ бурная волна мчала запасъ оспорожнаго, но шщешно оспорожнаго поселянина — шамъ плыла бѣдная, блеющая овца. Мы должны были ѣхашъ по водѣ, кошорая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карешу. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, опкрывшагося намъ при вѣздѣ въ длинную аллею, верспы за шри до Мангейма — аллею,

которая, будучи облита водою, казалась мощомъ.

Въ Оппенгеймъ, Курфальцскомъ городъ, мы завтракали и пили славное Ниреншпейнское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Прошивъ Оппенгейма, на другой споронъ Рейна, стоитъ высокая пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечъ. Шведской Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ досшойна примѣчанія старинная рапуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ шамъ лавку, на которой лопнулъ спаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники опрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы спояла сія оправа, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасный городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами: что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень пріятно. Вороша Рейнскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфирста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Рейномъ. Есть

ли бы я не поропился въ Швейцарію, то
остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: шакъ
полюбился мнѣ Мангеймъ!

=

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе
спашуй, и между ими самыя вѣрнѣйшія ко-
піи славныхъ Бельведерскихъ аншиковъ. На-
добно удивляться древнему искусству, копо-
рое умѣло влагать душу въ мраморъ, и пре-
красную душу. М* съ восхищеніемъ говорилъ
намъ о Лаокоонѣ: я видѣлъ эту группу, одинъ
изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго
художества, и, по мнѣнію нѣкошорыхъ, про-
изведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждающъ, что
она подала Виргилію мысль къ описанію не-
щаснаго Лаокоонова конца *. Смошря на нее,
прочишалъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ без-
смершной Энеидѣ, кошорая была у меня въ
рукахъ:

«Другое, ужаснѣйшее происшествіе вселяетъ
«препетъ въ сердца наши. Лаокоонъ, избран-
«ный по жребію въ жрецы Неппуновы, пор-

* Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы
Трояне приняли въ городъ деревянную лошадь, въ кошорой
скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлившіе гибель
Трои, наказали его за сіе сопротивленіе.

«жественно приносилъ въ жертву тучнаго
«быка — и вдругъ на поверхности шипихъ
«водъ, опъ снраны Тенедоса, являющся...
«(снрашное воспоминаіе!)... являющся два
«ужасные змія, и рядомъ плывущъ къ берегу;
«кровавая глава и грудь ихъ гордо возвышаеш-
«ся надъ волнами; неизмѣримый хребешъ ихъ
«извиваешся въ кругахъ безчисленныхъ; плы-
«вущъ, съ шумомъ разсѣкающъ пѣнисную вла-
«гу, и доспигающъ берега. Пламя и кровь въ
«очахъ ихъ. Снрашно шипящъ они, снрашно
«зіяющъ — и народъ въ ужасъ спасаешся бѣг-
«снвомъ. — Сіи чудовища спѣшащъ къ Лао-
«коону: бросающся сперва на двухъ юныхъ сы-
«новъ его, и терзающъ несчастныхъ. Лаоко-
«онъ спремился съ копіемъ на помощь къ
«нимъ: опецъ злополучный! Зміи обвивающся
«вокругъ его шѣла, вокругъ шеи, и шипящъ
«надъ его головою. Тщешно хочешъ онъ осво-
«бодиться опъ чудовищъ ужасныхъ; руки
«спарца безсильны. Покрышый ихъ нечиснымъ
«гноемъ, ихъ ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ
«сненаешъ — и вопль его до звѣздъ возно-
«сился.»

Съ какою живоспію изображена физическая
боль въ лицѣ терзаемаго спарца! Какъ силь-
но изображена въ немъ и горешъ несчастна-
го родишеля, который видищъ погибель дѣ-
шей своихъ, и не можешъ спасши ихъ! — Фи-
діасъ былъ Поэщъ.

СТРАЗБУРГЪ, АВГУСТА 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины — гдѣ роскошная Природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь шукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и радости — пріѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжая изъ одной земли въ другую, видѣшь новые предметы, съ копорыми, кажешся, самая душа наша обновляется, и чувствовашъ неогъненную свободу челоѣка, по копорой онъ по-долго можетъ называться царемъ земнаго шворенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климамамъ, не могутъ выйти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ Натурою, и умираютъ, гдѣ родяшся; но челоѣкъ, силою могущесшвенной воли своей, шагаетъ изъ климама въ климамъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ госшемъ Природы, повсюду опровергающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое челоѣчество.

А мудрая связь общесшвенности, по копорой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по копорой жишели всѣхъ шпанъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ шрудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня учасшвовашъ въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ — —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествовать необходимо для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлишься отъ своей гипохондрии! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кпо только можешь!

На границѣ нашъ поспилліонъ остановился. Vous êtes déjà en France, Messieurs, сказалъ намъ худо-одѣтый человѣкъ, подошедши къ нашей каретѣ: et je vous en félicite. Это былъ осмотрщикъ, который за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, поспилліоны, бабы, говорятъ о революціи.

А въ Спразбургѣ начинается новый бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются Офицеровъ, пьютъ въ шракширахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ Прелата, и принудила его пить пиво, изъ одной кружки съ его кучеромъ, за здоровье націи. Прелатъ блѣднѣлъ отъ страха, и прерывающимъ голосомъ повторялъ: mes amis, mes amis! — Oui, nous sommes vos amis! кричали солдаты: *пей же съ нами!* Крикъ на улицахъ продолжается почти непрерывно. Но жители запыкаютъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла. Офицеры си-

дяпть подъ окномъ, и смѣются, смотря на исповыхъ. — Я былъ нынѣ въ Театръ, и кроме веселости, ничего не примѣшилъ въ зрителяхъ. Молодые Офицеры перебѣгали изъ ложи въ ложу, и опъ всего сердца били въ ладоши, стараясь заглушить шумъ пьяныхъ буншовщиковъ, копорый раза при приводилъ въ замѣшательство актеровъ на сценѣ.

Между тѣмъ въ самыхъ окрестностяхъ Спразбурга толпы разбойниковъ грабятъ монастыри. Сказываютъ, что по деревнямъ ѣздилъ какой-то человекъ, копорый называлъ себя Графомъ д'Аршуа, и возбуждалъ поселянъ къ мяшежу, говоря, что Король даетъ народу полную свободу до 15 Августа, и что до сего времени всякой можешъ дѣлать, что хочешъ. Сей слухъ заставилъ здѣшняго начальника обнародовать, что одна адская злоба, достойная неслыханнаго наказанія, могла распустишь такую слухъ. —

Здѣшняя кафедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ копоромъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, не лзя не почувствовать благоговѣнія; но кто хочешъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на барельефы корнизовъ и колоннъ, гдѣ вы увидите прескранныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. На прим. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ раз-

ныхъ Орденовъ ; иные съ важностію идушъ въ процессіи, другіе прыгаюшъ, и пр. На одномъ барельефѣ представленъ монахъ съ монахинею въ самомъ неприспойномъ положеніи.— Богашья одежды Священниковъ и украшеніе олшарей показываюшъ за диковинку. Одно серебряное Распятіе, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоишъ 60,000 шалеровъ. — По круглой лѣспницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самый верхъ башни, откуда безъ нѣкотораго ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насѣкомыми, и цѣлый городъ, казалось, можно было въ минушю измѣришъ аршиномъ. Деревни вокругъ Спразбурга едва были примѣшны; миль за десяшъ и болѣе синѣлись горы. Говоряшъ, что въ самую ясную погоду можно видѣшъ и снѣжные верхи Альпійскихъ горъ; но я не видалъ ихъ, сколько ни напрягалъ свое зрѣніе. — Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались нѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые художники не такъ думаюшъ. — Между колоколами, изъ которыхъ самый большой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ такъ называемый *серебряный*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣшяшъ только въ Ивановъ день. Тамъ же хранишся большой охотничій рогъ, кошорымъ, лѣшъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жидаы хошѣли подашъ сигналъ непріятелю для взяшья Спразбурга. Заговоръ

открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе разорены, а другіе выгнаны изъ города. Въ память щасливо разрушеннаго заговора пробьютъ въ эпошъ рогъ всякую ночь два раза. — На стѣнахъ колокольни пушешенники пишутъ свои имена, или спихи, или что кому вздумается. Я нашелъ и Русскія слѣдующія надписи: *Мы здѣсь были, и устали до смерти. — Высоко! — Здравствуй, братъ землякъ! — Какой же видъ!*

Въ Люперанской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморный монументъ Маршала, Графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалева. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, которая открываетъ гробъ. На правой сторонѣ два льва и орелъ, въ ужасѣ и смятеніи, изображаютъ соединенныя арміи, побѣжденные Графомъ во Фландріи. На лѣвой спорой представлена Франція въ образѣ прекрасной женщины, которая, со всѣми знаками живой горести, хочетъ одною рукою удержавъ его, а другою опшалакиваетъ смерть. Печальный Геній жизни обращаетъ къ землѣ свой факель; и на сей же спорой развѣвающіяся побѣдоносныя знамена Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чтобы удивлялись его искусству: по мнѣнію знашочковъ, онъ достигъ своей цѣли. Я, не будучи знашочкомъ, смотрѣлъ на фигуры — на ту, на другую, на прешью — и былъ въ своемъ сердцѣ шакъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онъ сдѣ-

ланы. Смерть, въ образъ скелета, одѣшаго маншією, была мнѣ прошивна. Древніе не такъ изображали ее, — и горе новымъ художникамъ, пугающимъ насъ такими предсшавленіями! На лицѣ Героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хошѣлось бы, чшобы онъ имѣлъ болѣе вниманія къ горесшной Франціи, нежели къ гнусному скелету. Корошко сказашь, Пигаль, по моему чувсшву, есшъ искусный художникъ, но худой Поэшъ. — Подъ симъ монументомъ, въ шемномъ сводѣ, посшавленъ гробъ, въ кошоромъ лежишъ бальзамированное шѣло Маршала; сердце заключено въ сосудъ, споящемъ на гробъ, а внушренность погребена въ землю. Людовикъ XV, по своей чувсшвишельности или по чему иному, не хошѣлъ исполнишъ послѣдняго желанія Маршала умирающаго, кошорое сосшояло въ шомъ, чшобы шѣло его было сожжено. *Qu'il ne reste rien de moi dans le monde*, сказалъ онъ, *que ma mémoire parmi mes amis!* —

Здѣшній Университешъ такъ же почти славенъ, какъ Лейцигской и Гешпингенской. Многіе Нѣмцы и Англичане пріѣзжаюшъ сюда учишся. Только изъ Сшразбургскихъ Професоровъ очень не многіе извѣсшны въ ученомъ свѣшѣ какъ Авшоры. Ихъ называюшъ лѣнивыми въ сравненіи съ другими. Можешъ бышъ, они богашѣе другихъ; а въ Германіи бѣдносшъ дѣлаешъ многихъ Авшорами. —

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, чшобы онъ мно-

голюденъ; но что улицы шѣсны, и не лѣзя похвалишь архишекшуры домовъ.

Головной уборъ женщинъ здѣсь весьма спра-ненъ. Крѣпко счесанные и насаленные волосы связываются (ш. е. передніе съ задними) на срединѣ головы; а на верху пришивается маленькая корона. Ничего не можешь бышь безобразіе такого убора.—

Что принадлежишь до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ очень испорченъ. Въ лучшихъ обществахъ говоряшь всегда по-Французски.

Я надѣялся здѣсь найши письмо отъ А*, но не нашель. Когда-то отъ васъ, мои любезные, получу письма! Живы ли вы? Здоровы ли вы? Что съ вами дѣлается? Спрашиваю, и никакой Геній не шепчетъ мнѣ на ухо отъ-вѣща. Путешествовать пріятно, но разсѣиваешься съ друзьями больно. — —

П. П. Мнѣ сказывали, что Лафатеръ за нѣсколько дней предъ симъ былъ въ Базель для свиданія съ Неккеромъ. Я познакомился здѣсь съ однимъ Магиспромъ, очень любезнымъ человекомъ, копорый водилъ меня въ Университетъ, въ анатомической театръ, въ медицинской садъ, и копорый нынѣ за обѣдомъ и за ужиномъ пилъ здоровье опечесшвенныхъ друзей моихъ. За ужиномъ у насъ былъ превеликой споръ между Офицерами о томъ, что дѣлать въ нынѣшнихъ обстоятельсвахъ честному человеку, Французу и Офицеру? Положишь руку на ефесь, говорили одни, и бышь въ гошовности защищать правую спорону.

Взявъ абшидъ, говорили другіе. Пить вино и надъ всѣмъ смѣялся, сказалъ пожилой Капитанъ, опорожнивъ свою бушылку.

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Спразбургъ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками садился въ дилижансъ: дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасъ много разбойниковъ. Мы посмолрили другъ на друга. «У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ» — сказалъ молодой Женевецъ, который пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. «У меня есть кошникъ и собака» — сказалъ молодой человекъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій подлѣ меня. «Чего бояться?» сказали всѣ мы; поѣхали, и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ есть прекрасная земля. Города и деревни, черезъ которыя мы проѣзжали, всѣ хорошо выстроены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Лопарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, представляющъ для глазъ нѣчто романическое, и придающъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, утомительныхъ для зрѣнія. Сии горы болѣе и болѣе удаляющся и темнѣющъ, такъ что наконецъ не мо-

жно видѣшь на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Рейномъ, возвышающіяся черныя хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничивають горизонтъ. Близъ дороги изрѣдка попадающіяся въ глаза деревья и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Посшилліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воробьишникомъ, и въ такихъ сапогахъ, копорые были бы впору Гиганшу въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати версахъ перемѣняють лошадей, и на каждой станціи надобно плашеть прогоны впередъ, нашими деньгами копѣекъ по двадцати за милю (lieue). Изъ Спразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три вершы отъ Базеля, то есть перѣѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ ночевать, для того, что ровно въ восемь часовъ запираются въ Базель ворота, копорыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяють.

Съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я корешко познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Копенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медици и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапроша), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ коршикомъ на бедрѣ, пересылая чрезъ по-

чпу чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Спразбургъ заболѣла у него нога, и принуди-ла его съспъ въ дилижансъ. Теперь хочешъ онъ видѣть все примѣчанія достойнѣйшее въ Швейцаріи, а попомъ отправишся во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любишъ онъ свою собаку, и дорѣгою безпреспанно смопрѣль, бѣжишъ ли она за карешою; когда же примѣшилъ, мили за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она успала и начала ошспавашь, шо, пожелавъ намъ щасшливаго пуши, вышелъ самъ изъ дилижанса, чшобы бресши пошихоньку съ своимъ другомъ. — Здѣсь въ Базель оспановились мы съ нимъ въ одномъ шракширѣ, подъ вивѣскою *Аиста*.

И шакъ я уже въ Швейцаріи, въ спранѣ живописной Напуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажешся, что здѣшній воздухъ имѣешъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое спало легче и свободнѣе, спанъ мой распрямился, голова моя сама собою подымаетъ вверху, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но, кромѣ двухъ огромныхъ домовъ Банкара Саразеня, не замѣшилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень не много, и нѣкоторыя переулки заросли шравою. Рейнъ раздѣляетъ Базель на двѣ части; и хопя сія рѣка здѣсь не шакъ широка, какъ въ Майнцѣ, однакожь, по быспрѣйшему сво-

ему печенію и по свѣшлости воды своей, показала мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важный шорть съ Нѣмцами, и отправляя въ Германію полотна, леншы, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минсхерѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старыя монументы, съ разными надписями, показывающими бѣдность разума человѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для меня примѣчательнѣе другихъ. Первый считался въ свое время ученѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человекомъ въ Европѣ: въ доказательство чего можешь служишь слѣдующій, можешь быть уже извѣстный вамъ, анекдотъ: Эразмъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Полишикѣ, Религіи и другихъ предметахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краснорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!*— Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самого Папы. Нѣкоторыя шушки конеч-

но довольно оспры; но многія грубы, сухи и напханушы — и вообще книга сія довольно скудна для шѣхъ, копорые уже читали оспроумныя сочиненія Большеровъ и Виландовъ осьмаго-надесять вѣка. — Минсперъ стоишъ на высокомъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями, опкуда видъ очень хорошъ.

Въ публичной библіотекѣ показываюшъ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, копорыхъ цѣну знаюшъ только Аншикваріи и Нумисматогграфы; а что принадлежитъ до меня, то я съ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ тамъ на каршины славнаго Гольбеина, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери! Іуду, какъ онъ здѣсь предсавленъ, узналъ бы я всегда и вездѣ. Въ Хриспѣ, снятомъ со креста, не видно ничего божественнаго; но какъ умершій чловѣкъ, изображенъ онъ весьма естесвенно. По преданію разсказываюшъ, что Гольбеинъ писалъ его съ одного ушопшаго Жида. Спраспи Хрисповы изображены на осми каршинахъ. — Въ рапушѣ ешъ цѣлая зала, расписанная *альфреско* Гольбеиномъ. Знапоки говоряшъ о семъ живописцѣ, что фигуры его вообще весьма хороши; что шѣло писалъ онъ живо, но одежду очень дурно. — Въ оградѣ церкви Св. Петра, на спѣнѣ за решешкою, видѣлъ я и славный *танецъ мертвыхъ*, копорый, по крайней мѣрѣ опчаспи, счишаюшъ за Гольбеинову работу. Смершъ ведетъ на шопѣ свѣшъ людей всякаго соспо-

янiя : и Папу и Нимфу радости, и Короля и нищаго, и добраго и злаго. Не будучи знашомъ, могу сказашь, что конечно не одно воображенiе и не одна кисть произвели сей рядъ фигуръ: споль хороши нѣкопорыя, и споль дурны прочiя! Я замѣшилъ три или чешыре лица, весьма выразишельныя, и конечно доспойныя лѣвой Гольбеиновой руки *. Впрочемъ вся картина испорчена воздухомъ и сыростию.

Между прочими Гольбеиновыми картинами, копорыми гордишся Базель, естъ прекрасный поршрешъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лайсы (по чему легко можно догадашься, какого роду была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокопившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сiя картина найдена была на олшарѣ, гдѣ народъ покланялся ей подѣ именемъ Богомашери; и на черныхъ рамахъ ея написано золошыми буквами: *Verbum Domini manet in aeternum*, *слово Господне пребываетъ вовеки*).

Кабинешъ Господина Феша естъ доспойный предметъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, любящихъ искусство. Его цѣняшь во 150,000 шалеровъ. Конечно не многiе изъ частныхъ людей въ Европѣ имѣють такое собранiе прекрасныхъ картинъ, и конечно не многiе изъ богачей имѣють такой вкусъ, какъ

* Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою.

Г. Фешъ. Но сколько завидны драгоценныя его картины, столько же, или еще болѣе, завиденъ для меня и тотъ прекрасный видъ, копорымъ наслаждается сей любимецъ Форшунны, смотря изъ оконъ своего кабинета на величественный Рейнъ, и взоромъ своимъ слѣдуя за его теченіемъ между двумя великими государствами. Тутъ Франція, Швейцарія и Германія представляются глазамъ въ разнообразной картинѣ, подъ голубымъ сводомъ неба — и я могъ бы цѣлый день неподвижно простоявъ въ семъ магическомъ кабинетѣ, смотря и шихо въ душѣ восхищаясь, если бы не побоялся бытъ въ тягость Господину Фешу. — На дворѣ передъ его домомъ показываютъ деревянную и очень попорно выработанную спашую Императора Рудольфа I. Онъ представленъ сидящимъ на тронѣ въ порфирѣ и со всѣми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое то время, когда онъ войсками своими окружилъ Базель: послѣ чего отворили ему городскія ворота — и онъ жилъ здѣсь, сказывающъ, точно въ томъ домѣ, въ копоромъ живешъ теперь Г. Фешъ.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ прогашельнаго явленія. Пожилой человекъ, Кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ споласъ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горестъ и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и упирали

плашкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ сморгнули на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: это знатный Французскій дворянинъ съ своею женою, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи. Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человекъ и молодая дама въ дорожномъ плащѣ. *Mon père! ma mère! mon fils! ma fille!*—и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ — всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку, и ошалѣлъ неподвиженъ въ семъ положеніи; шѣ, кошорые говорили и замолчали, не успѣли зашворишь рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролепѣла, минуша молчанія и пишины! но глубокія черны оставила ты въ моемъ сердцѣ, кошорые всегда будутъ воспоминашь мнѣ чувствительность людей — ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга! — Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, опирая лѣющія слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ прерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ роди-*

телей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ *, но, благодаря Всевышняго! видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дочь наша, то забываемъ все прочее горе! Попомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы вспали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чшобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — «Я могу вамъ сказать единственно то», ошвѣчалъ онъ, «что буншующіе поселяне хонѣли убишь моего господина; чшо онъ принужденъ былъ искашь спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣшей своихъ, копорыя были въ гостяхъ у брата его и, копорыя теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.»

Есшлы вы въ полдень спросите здѣсь, который часъ? по вамъ скажутъ въ ошвѣшъ: по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часъ — по ешъ, здѣшніе часы идушь всегда впереди прошивъ общихъ. Напрасно будете вы приступать къ Базельцамъ и требовашь, чшобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе рассказываюшь, чшо будпо бы причиною того былъ нѣкогда уничпожен-

* Слово въ слово съ Французскаго; но галлицизмы такого рода проспительны.

ный заговоръ — и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ Бургомиспровъ узналъ о томъ, и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждый изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился домой — послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щастливой Бургомиспровой выдумки, переславили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *Церковнаго Собора*, для того, что бы лѣнивые Кардиналы и Епископы вспавали и собирались ранѣе. — Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почиаетъ сей обманъ за драгоцѣнное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власпи и не можетъ самъ избиратьъ начальниковъ, однакожъ правленіе сего Кантона можно назвать опчаспи демократическимъ, потому что каждому гражданину открытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самаго низкаго соспоянія бываютъ Членами Большаго и Малаго Совѣта, копорые даютъ законы, объявляютъ войну, заключаютъ миръ, налагаютъ подати, и сами избираютъ Членовъ своихъ. — Хлѣбники, сапожники, поршные, играютъ часто важнѣйшія роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жишеляхъ видна здѣсь какая-то

важностъ, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухватахъ имѣютъ они много характернаго. — Въ домахъ гражданъ и въ праксирахъ соблюдается опмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь опмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной.

Въ семи верстахъ отъ Базеля находишся садъ называемая *пустыня*, или обширный садъ, принадлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами, здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходишь по узенькимъ пропінкамъ и взбираешься на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частый, зеленый кустарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго гроша, гдѣ чистая вода, спруясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькой бассейнъ, споймъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженный. . . Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семъ стихомъ грошъ, въ семъ святилищѣ меланхоліи, душа чувствуешь томное уныніе и погружаешься наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь, Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципселовомъ

сундукъ изображены были *. — Мы сходили въ подземный храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ тихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайный холодъ и сырость не позволяли намъ ни минушы пробыть тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлейсгеймъ, принадлежащемъ Базельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель.

Версбахъ въ двухъ или въ трехъ отсюда, гдѣ построена такъ называемая гошпишаль Св. Якова, было некогда жестокое сраженіе между Французами и Швейцарами, копорые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жители всякой годъ въ Маѣ мѣсяцѣ приходятъ туда воспѣвать геройскія дѣла своихъ предковъ и пить красное вино, называемое *Швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣть шопъ домъ, въ копоромъ жилъ Парацельсъ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и понынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человека, копорому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лекарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но копорый отъ спрашнаго

* Ночь представлепа была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, бѣлаго и черпаго; одинъ спалъ, а другой казался спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

хвасповсхва своего прослылъ шарлапаномъ въ цѣлой Европѣ *.

Вообразише, чпо новый мой знакомецъ Б*, съ кошорымъ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи, умираешъ — умираешъ отъ любви! Здѣсь въ пракширѣ живешъ молодая дама изъ Ивердона. Сегодня ужинала она за общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говоришь. Нѣжное сердце моего Дашчанина распопилось отъ огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь покраснѣлъ, забылъ пишь и ѣсть, и только чпо подчивалъ красавицу; а при концѣ ужина подалъ ей записную книжку свою и карандашъ, прося, ччтобы она написала ему какое нибудь наставленіе. Красавица взяла книжку, карандашъ — взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; слѣдуя своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели* — написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенный Б*... Madame!... Въ самую сію минушу всѣ изъ за-стола встали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брапу и ушла. Б* споялъ, смопрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, ччто онъ едва ли можешъ завѣтра ѣхашъ

* Пишущъ, ччто онъ часто лекціи свои начиппалъ такъ: «Знай-те, о Медики! ччто колпакъ мой ученіе всѣхъ васъ, и ччто борода моя опыщеніе вашихъ Академій. Греки, Римляне, Франгузы, Италіянцы! я буду вашимъ царемъ.»

со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

Базель, Августа 9.

Молодая дама изъ Ивердона нынѣ поуспру уѣхала, и Дашчанинъ Б* исцѣлился опъ любовной своей болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли мы здѣсь извозчика, или шакъ называемаго *кучера* (Kutscher), кошорый за два луидора съ шалеромъ повезетъ насъ въ Цирихъ на парѣ жирныхъ лошадей, въ двумѣспной спаромодной каретѣ; и шакимъ образомъ за 60 верспъ плашимъ мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ почты. — *Ступайте, господа!* кричитъ намъ почпенный извозчикъ Швейцарской въ плисовомъ фракѣ: *ступайте! чемоданы ваши привязаны. И шакъ проспите!*

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе въшерка пронипаешъ, кажешся, въ сердце мое и развѣваешъ

въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Опѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣщущій берегъ зеленаго Рейна, и гошовъ былъ въ воспоргѣ цѣловать землю. Щасливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарише вы Небо за свое щасіе, живучи въ обѣщаніяхъ прелестной Нашуры, подъ благодѣтельными законами брагскаго союза, въ проспортѣ нравовъ, и служба одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая спрѣла должна крошко влешать въ грудь вашу *, не возмущаемую свирѣпыми спрашьями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ пушей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство сердца. Ахъ! естьли бы шеперь, въ самую сію минушу, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветь меня къ новому щасію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, переменна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья

* Чипашель, можетъ быть, вспомнитъ о спрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя крошко умерщвляли смертныхъ. Греки въ мѣнахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствию вѣчнаго Аполлона, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой—когда сердце мое опровергается впечатлѣніямъ красоты Природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостию, если бы Она съ кою-нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Проси мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когданибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропсалъ на жребій чловѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лбызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ спремѣщагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тупъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; шамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увишья гибкимъ винограднымъ сшеблемъ — смопришъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрывающіяся еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Рейнфельденъ, Австрійской городокъ.

И шамъ я шеперь во владѣніи нашего Союзника! — Кучеръ нашъ кормитъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сижу въ шракширѣ подъ окномъ, и смопрю на Рейнъ, кошораго пѣна чупъ до меня не долешаетъ.

=

Брукъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ плашѣ, съ девятилѣтнимъ сыномъ и съ бѣлкою. Печальное плашье, блѣдное лице и помнось въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. «Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать» — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, который для Дашчанина былъ очень нѣженъ. «Естьли это не будешъ вамъ прошивно» — отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. «Господинъ шракширщикъ!» закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: «вы конечно не заспавише насъ жаловашся на худой обѣдъ?» Увидите, отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкопорою досадою, поправивъ на головѣ своей шапку. — «Швейцары добрые люди» — сказала Француженка съ улыбкою,

сѣвъ за накрытый столъ — «только немного грубоваши.» Пославили кушанье: Б* рѣзалъ, раздавалъ и всячески сшарался услуживать дамъ и сыну ея. Онъ не могъ уперѣть, что бы не спросить у нее, по комъ носишь она трауръ? «По братъ», отвѣчала Француженка со вздохомъ. «Онъ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я поѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ, и — нашла его лежащаго во гробъ.» Тутъ обтерла она слезу, копорая выкапсилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ. — А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б*, и заславилъ меня ошъ досады повернувшись на спулъ. — «Сшарѣ меня пшью годами» — отвѣчала она, и обтерла другую слезу, блиставшую на *нижней ресницѣ* лѣваго глаза ея. Господинъ Б*! сказалъ я: вы оскорбляете чувствительность Госпожи N. N. горестными воспоминаніями. Я эшаго не думалъ (отвѣчалъ онъ покраснѣвши), право не думалъ. Просшите меня, сударыня! «Рана въ сердцѣ моемъ такъ еще свѣжа, сказала она, что кровь не переставала изъ нее лишья.» — Маленькой Пьеръ бросилъ ложку, посмопрѣлъ на мамъ, всналъ, подбѣжалъ къ ней, началъ цѣловать ея руку, и между поцѣлуями взглядывалъ на нее такъ умильно, и говорилъ ей такъ нѣжно: *маменька, не плачьте! не плачьте, любезная маменька!* что я пошелъ въ карманъ за бѣлымъ плашкомъ, а Б* въ восторгъ вскочилъ со спула, схватилъ руку ея, копорою обнимала она сына своего, и прижалъ ее къ

своимъ губамъ. Въ самую сію секунду вошелъ пракширщикъ. *Ба! что это?* сказалъ онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ, что вы объдаете.* Никто не отвѣчалъ ему. Госпожа Н. Н. высвободила свою руку (на которой оспалось розовое пятно), и помнымъ взоромъ наказала чувствительнаго Б* за нескромный жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я пракширщику; но онъ споялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, которой блѣдныя щеки, отъ внутренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы прицались за десертъ. Госпожа Н. Н. успокоилась, и рассказала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, который родомъ Швейцаръ, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время во Франціи, и будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переехалъ жить въ К*. Онъ очень щасливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя такую супругу; но онъ конечно достоинъ своего щастія, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей. — Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впряжены. Надобно было раслашиться съ пракширщикомъ и просишиться съ нѣжною Француженкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера, — изъ чего вышла опять чувствительная сцена, и вотъ какимъ образомъ. Въ самую ту минуту, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила

ему на голову, и передними своими лапками шакъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа Н. Н. ахнула; а шракширикъ, споявшій у дверей, захохоталъ во все горло. Бѣлку спасили съ головы моего пріятеля, и маленькой Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б*?* Учтивый пріятель мой увѣрялъ Госпожу Н. Н., что ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. «Ахъ, государь мой!» сказала она: «я вижу кровь, я вижу кровь!»... и бѣлымъ своимъ плашкомъ обшерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. «Ахъ, сударыня!» ошвѣчалъ Б*, будучи пронунъ до глубины сердца: «какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду.» Госпожа Н. Н. подарила ему шрубочку Англійскаго плашья, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила пресшупленіе ея звѣрка. Тушъ мы снова проспились, получивъ опъ нее адресъ ея, и записавъ ей наши имена. Маленькой Пьеръ проводилъ насъ до карешы. Милая Француженка смошрѣла изъ окна, когда мы сядились. Просшите, сударыня, просшите! кричалъ ей Б*. Просшите! ошвѣчала она. Просшите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы поѣхали, и долго еще говорили о любезной Госпожѣ Н. Н., кошорая въ во-

ображеніи моего Б* зашемнила образъ молодой Госпожи изъ Ивердона.

Проѣзжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое спеченіе народа; велѣли кучеру осшановишсья, вышли изъ карешы и вшперлись въ толпу. Тупъ вязали одного молодого челоувѣка, копорый со слезами просилъ, чшобы его освободили. Чшо такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. «Онъ укралъ, укралъ два шалера въ лавкѣ» — опшвѣчали намъ вдругъ челоувѣка чешыре: «у насъ никогда не бывало воровспва; эшо бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказашъ.» — Однакожь онъ плачешъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пуспише его! — «Нѣшъ, его надобно наказашъ, чшобы онъ переспалъ красшъ» — опшвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцары, накажише его шакъ, какъ опцы наказываюшъ дѣшей своихъ за ихъ просшупки, — сказалъ я, и пошелъ къ своей карешѣ. — Можешъ бышъ ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываешъ шакъ мало преспшупленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровспва, копорое считаешсь здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убійспвахъ совсѣмъ не слышно; миръ и тишина царспвуюшъ въ щасшливой Гельвеціи.

Спускаясь съ высокой торы, кошорая висипъ надъ городомъ, могъ я обняшъ глазами великое преспранспво; и все сіе преспранспво усѣяно щедрошами Нашуры. Здѣсь мы ночуемъ, а завтра поушру будемъ въ Цирихѣ.

Цирихъ.

Съ опмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ опмѣннымъ удовольствіемъ смопрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣшное, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія паспуховъ и паспушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клоппшока наполнялась великими идеями о священной любви къ опеческву, копорыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германъ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ чершы для каршинъ своей Ноахиды, и пишался духомъ временъ Папріаршихъ; гдѣ Виландъ и Геше въ сладоспномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечшали для попомства; гдѣ Фридрихъ Шполбергъ, сквозь шуманъ двадцапи девяпи вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ шворцевъ Греческихъ, пѣвца боговъ и Героевъ, сѣдаго сшарца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношесство — видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ опзывѣ повпорялъ пѣсни его на языкъ Тевпоновъ*; гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустію, и всякой цвѣшочикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ.

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ ушра. Въ тракширѣ, подѣ вывѣскою *Ворона*, опшвели

* Т. е. Нѣмцовъ, — Шполбергъ перевелъ Иліаду.

намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цюрихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаешь изъ него рѣка Лимматъ, кою шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ оплывается опъ тихой зыби воды его; прямо прошивъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утѣхъ; далѣе, въ сторону видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли вызыватьъ, къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минушу показался сухой, высокой, блѣдный человекъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать — Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ. Услышавъ, что я пошъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, Лафатеръ поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цюрихъ — сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома.» — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физиогномическій Ка-*

бинетъ, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдуся дружелюбіе, и услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основалась такая надежда? Друзья мои! не пребудьте они меня опѣша, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь про себя на счетъ въпренаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабостъ вашего друга.— Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Бреишингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ пронизательнымъ взоромъ, — у кошораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Хрисіянскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, разсматривая лице его по часямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожь первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣришь се-

бя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хопя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ частей лица, однакожь оно должно бытъ во внутренней спруктурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсмаприваніемъ лицъ человѣческихъ, искалъ сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч. а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который можно назвать колыбелію новой Физіогномики, Метропоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ разсказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Если бы хопѣлъ я вообразить совершеннаго Министра, то представилъ бы себѣ Неккера. Лице, голосъ и движенія не измѣняются у него сердцу. Вѣчное спокойствіе есть его стихія. Однакожь онъ не рожденъ великимъ, такъ какъ Невтонъ, Вольтеръ, и проч. Великость его есть пріобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное.» Лафатеръ видѣлъ его въ самый послѣдній часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подосвѣ горы Юры *, возвратишься

* Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная пишина бытъ счастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жиз-

въ бурный Парижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирихскихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было: пошому что здѣсь говоряшъ самымъ нечислымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафашеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до пра-кшира, и проспился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не попребуеете опъ меня, что-бы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафашеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать един-ственно то, что онъ имѣетъ весьма почтен-ную наружность, прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лицо, острые глаза и важную мину. Всѣ его движе-нія живы и скоры; всякое слово говоришъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учи-

ни государственнаго человѣка? Сія жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вырвовъ, потрясающихъ уединенное жилище его, поминся въ уныніи. Размышляя о про-текшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію, и вызы-ваетъ съ Царемъ Леаромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you elements, with unkindness; I called not you my children; I never gave you kingdom («Шумите, свирѣпые вы-пры, шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, раздражен-ныя стихіи! вы не дѣти мои; вамъ не отдавалъ я царства.») Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его, sur l'Administration de M. Nekker, par lui-même, я готовъ былъ заплакать. Фран-цузы! вы кричали нѣкогда: «да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ!» а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

шельское или повелиштельное, происшедшее конечно отъ навыка говоришь проповѣди, но смягчаемое видомъ непришворной искренности и чистосердечія. Я не могъ свободно говоришь съ нимъ, первое пошому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заславлялъ меня говоришь какъ можно скорѣе; а второе пошому, что я безпреспанно боялся не поняшь его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнашу, почувспво-валъ я великую грусть; и чшобы не дашь ей усилишься въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писашь къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чшобы узнашь всю привязанность нашу къ опечеспву, надобно изъ него выѣхашъ; чшобы узнашь всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разспашься.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно по-трясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Эшо голосъ юноши — и вошъ слова пѣсни:

«Опечеспво мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролишь; умру твоемъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Опечеспво мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смерпный можешъ наслаждашь въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлитель и лсенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною люопся.

Опечеспво мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоей готовъ ее пролишь; умру твоемъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всё живёмъ въ союзѣ брашскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ — когда мы изъ груди ея пиёмъ блаженство и восторгъ?

Опеченство мое! любовью къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоей готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.»

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Прощайте, друзья мои!

=

11 Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Лафатеру, нашелъ я у него въ кабинетѣ жену владѣтельнаго Графа Шполберга, которая читала про себя какой-то манускриптъ, между тѣмъ какъ хозяинъ (NB. въ пестромъ своемъ шлафроктѣ) писалъ письма. Черезъ полчаса комната его наполнилась гостями. Всякой чужестранецъ, пріѣзжающій въ Цюрихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера. Сии посѣщенія могли бы иному наскучить; но Лафатеръ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ видѣть новыхъ людей, и что ошъ всякаго пріѣзжаго можно чему нибудь научиться. Онъ повелъ насъ къ своей женѣ, гдѣ пробыли мы съ часъ — пого-

ворили о Французской революціи, и разошлись. Послѣ обѣда я опять пришелъ къ нему, и нашелъ его опять занятаго дѣломъ. Къ тому же всякую четверть часа кто нибудь входилъ къ нему въ кабинетъ, или требовавши совѣта, или просивши милоспѣи. Всякому отвѣчалъ онъ безъ сердца, и давалъ, что могъ. Между тѣмъ я познакомился съ живописцомъ Липсомъ, который не давно пріѣхалъ изъ Италіи, и живетъ у него въ домѣ. Къ намъ пришелъ еще Пфенингеръ, съ котораго Липсъ началъ списывать портретъ, и съ которымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ четыре часа, и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, на прим. ратуши и проч., не замѣнилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ; а многія улицы или переулки не будутъ ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываютъ стрѣлу, которою славный Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и засстрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера, — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цюрихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся три Лапшинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Гре къ Реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполненныя чувствами сердечнаго благочестія. Разныя мѣста, при-

веденныя ею въ сихъ письмахъ изъ Еврейскихъ и Греческихъ книгъ , показывающъ , что она знала и пошъ и другой языкъ. Такая ученость въ шеснадаши-лѣтней дѣвицѣ могла бы и нынѣ удивить насъ: что же тогда? Несчастная Гре! ты была украшеніемъ своего времени, и скончала цвѣтущую жизнь споль ужаснымъ образомъ! Тронъ былъ тебѣ погибелью.

=

Августа 12.

Нынѣ рано поутру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкошорыми изъ друзей его ишши обѣдать къ деревенскому Священнику Т*. Это путешествованіе упомянуло меня до крайности. Надобно было всходить по камнямъ на высокую и крупую гору. Нѣкошорые изъ нашихъ спутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафшаны, и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнувши и полюбовавшись прекрасными видами, которые наградили меня за все претерпѣнное мною. «Удивительно ли (сказалъ мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро , на горы и плодоносныя долины) , удивительно ли, что Швейцары такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрише, сколько красотъ здѣсь разсыяно!» — На узкой до-

★

линѣ между горъ, въ семи версхахъ отъ Цириха, лежишь та маленькая деревенька, которая была цѣлю нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушный Священникъ со всѣми знаками дружелюбія. Вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которыя всякому живописцу могли бы служишь образцемъ красоты, и которыя напомнили мнѣ Томсоновы стихи:

As in the hollow breast of Appenine,
Beneath the shelter of encircling hills,
A myrtle rises, far from human eye,
And breathes its balmy fragrance o'er the wild:
So flourish'd blooming, and unseen by auld,
The sweet Lavinia *. — —

Сестры прелестницы! я хотѣлъ бы щасливою чертою пера изобразить красоту вашу, которую сама Натура возлелѣяла; хотѣлъ бы сравнить блорумяныя щеки ваши съ чистымъ снѣгомъ высокихъ горъ, когда восходящее солнце сыплетъ на него алыя розы; хотѣлъ бы уподобить улыбку вашу улыбкѣ весенней Природы, глаза ваши звѣздамъ вечернимъ — но скромность вашихъ взоровъ опниваетъ у меня смѣлосъ хвалишь васъ. — Никогда еще не видывалъ я двухъ женщинъ, столь между собою сходныхъ, какъ сіи двѣ красавицы. Кажет-

* «Подобно какъ въ ложѣ горъ Аппенинскихъ, подъ кровомъ холмовъ, восходишь миртъ, удаленный отъ глазъ человѣческихъ, и бальзамическое свое благоуханіе разливаетъ въ пустынь: такъ цвѣла въ уединеніи любезная Лавинія.»

ся, что Граціи образовали ихъ въ одно время и по одной модели. Ростъ одинакой, лица одинакія; у обѣихъ черные глаза и русые волосы, по плечамъ распущенные; на обѣихъ и бѣлыя плащья одинакаго покроя *. — «Я привелъ къ вамъ Русскаго (сказалъ Лафашеръ), копорый знакомъ съ вашею родспвенницею, дѣвицею Т*.» Хозяйка меня спрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я выпилъ лишнюю чашку, и выпилъ бы еще десять, естли бы красавицы не переспали меня подчивающъ. — Между тѣмъ я обрапилъ глаза свои на большой шкапъ съ книгами, и нашелъ шупъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ Спихошворцевъ. Вы конечно любите Поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романической землѣ, ошвѣчалъ онъ, какъ не любить Поэзіи.* Между тѣмъ мы ошдохнули, и пошли гуляющъ по саду. Со всѣхъ споронъ предспавлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ шѣсные предѣлы нашему зрѣнію. — Естли мнѣ когда нибудъ наскучишъ свѣшъ; естли сердце мое когда нибудъ умрешъ всѣмъ радостямъ общежишія; естли уже не будешъ для него ни одного сочувспвующаго сердца: то я удалюсь въ эпу пусшыню, копорую сама Нашура оградила высокими спѣнами, неприспупными для пороковъ, — и гдѣ все, все забышъ можно, все, кромъ Бога и Нашуры. —

* Одной изъ нихъ пѣлшъ уже на свѣшъ! Горы Швейцарскіи! вы не защищали ее опъ безвременной, жестокой смерти!

Возвращаясь въ комнату, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самый изобильный; говорили, шутили, смѣялись. Лафашеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, пошрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякой взялъ листочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Потомъ бумажки смѣшали и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на свой вопросъ, который ему достался, и написать новый. Такимъ образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось блага мѣста. Тутъ прочли въ слухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны; а Лафашеровы отличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинный благодѣтель?* Отвѣтъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ настоящей его нуждѣ.* Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому то, въ чемъ онъ на сей разъ имѣетъ нужду; не читай нравоученій тому человеку, который умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утонулъ, а вытащи его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то человека для совершенія такого-то дѣла?* Отвѣтъ: *Нуж-*

на, естли онъ живъ останется; не нужна, естли онъ умретъ. — Вопросъ: Что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь? Ошвѣшъ: Люди. Пошомъ изъ нѣсколькихъ заданныхъ словъ, между копорыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связное. Тушъ выходило все смѣшное. — Желалъ бы я, чшобы мы переняли у Нѣмцовъ сіи оспрящія разумъ игры, копорыя могушъ бышъ сшоль забавны въ пріятельскихъ обществахъ *.

Наконецъ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, ошправились мы назадъ въ Цирихъ. Добродушный Священникъ съ двумя своими Ореадами пошелъ насъ провожать; красавицы очень усшали, и я насилу могъ упросить одну изъ нихъ взять мою шрось. На вершинѣ горы мы съ ними расшались, и возвратились въ городъ пчши ночью. Я просшилъ съ Лафашеромъ на два дни, пошому чшо намѣренъ завтра вмѣшъ съ пріятелемъ моимъ Б* ишши пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до копорого считаешся ошсюда пашъ миль.

=

Эглизлу, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ ушра пошли мы съ Б* изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бод-

* Желаніе Авшора исполнилось: нѣкопорыя изъ нашихъ Дамъ полюбили играшъ въ вопросы и ошвѣшы.

ро; но скоро силы мои начали истощаться — день былъ самый ясный — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши мили двѣ, я опъ слабости упалъ на праву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, копорому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ пракшира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы чрезъ часъ опяшь пустились въ пушь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза при оспанавливался опдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ воспоргъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минушь съ пяшь не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего поварища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? «Я думаю, опвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками.» — «Мы одно думаемъ», сказалъ я: «рѣка, съ пѣною и шумомъ ниспадающая съ камней, конечно споитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ шопъ громозвучный, ужасный водопадъ, копорый вселяетъ шрепетъ въ сердце? — Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, опложили до слѣдующаго дня посмощрѣть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я до-

пащисься до города: такъ ноги мои успали! Мы пришли прямо въ шракширъ *Вьнца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногъ покрыты пылью — приняли насъ очень учтиво. Сей шракширъ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монпанъ упоминаетъ объ немъ, и при томъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монпанъ былъ въ *Шафгаузенъ* въ 1581 году. — Послѣ хорошаго ужина бросился я на постелю и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодня былъ я у Кандидаша Миллера, Авшора хорошо принятой книги, подъ титуломъ *Philosophische Aufsätze*, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекомендацельныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цириха, перестали дивиться, и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмоплю на него съ другой стороны, и вблизи. — О городъ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построеннаго не Архитекторомъ, но плотникомъ; моста, который дрожитъ подъ ногами одного человѣка,

и по кошорому безъ всякой опасности ѣздяшъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до кошораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Приѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Спрямленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстрины. Приславъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, кошорая, преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранишной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію лепящихся одна за другою, міриадами поднимаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на кошорыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облилъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ:

ревуцій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ : она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался — и гошовъ былъ на колѣняхъ извиняться передъ Рейномъ въ шомъ, что вчера говорилъ я о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа стояли мы въ сей галлерей; но это время показалось мнѣ минушою. Переѣзжая опяшь черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что сославляешъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнушь. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ копорой низвергаешся Рейнъ, вышиною будешъ около семидесяти пяти фушовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышающся двѣ скалы, или два огромные камня, изъ копорыхъ одинъ, не смоща на усиліе волнъ, спремашихся сокрушишь его, стоишь непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажешъ Спихошворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и шипомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока) — а другой камень едва держишся на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На прошивоположномъ крупомъ берегу предспавлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградныя сады и

дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ , опустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ , наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. — Лодочникъ почелъ за нужное сказать намъ , что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его; но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

=

Эглизлу.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ , такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе ; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленые решетки вѣшвистыхъ деревъ , копорыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчивающъ высокой берегъ ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиловъ , копорыя составляющъ богатство мирныхъ семействъ , живущихъ въ простотѣ Напуры — ахъ , друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплашивъ лодошнику новый Французской палеръ, или два рубля. Хотя солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ пракширѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуспиться пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, который съ кортикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости — всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію. До Цириха остается намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра Воскресенье, и Лафатеръ поупру въ семь или въ восемь часовъ будешь говорить проповѣдь въ церкви Св. Петра; мнѣ хочется припши шуда къ сему времени. — Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Прощайте!

=

Корчма.

Лишь только вышли мы изъ Эглизау, солнце закапилось; сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было ипши лѣсомъ, въ копоромъ царшвовала мершвая шишина. Мы останавлива-

лись и слушали — но ни одинъ листочикъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его, и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтвю. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизъяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣшаясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тупъ повѣялъ сильный, холодный вѣтръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до шракшира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣтній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ шракширъ. Съ видомъ удивленія посматрѣвъ на насъ шракширикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь бродить пѣшкомъ не прилично такимъ господамъ!* отворилъ намъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ кошорой не было ничего, кромѣ пѣши или шести споловъ и дюжины деревянныхъ стульевъ. Прежде всего заговорили мы объ ужинѣ. Тотчасъ все будетъ готово, сказалъ шракширикъ, и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и буылку кислаго вина. Что же еще будетъ? спросили мы. Ничего, отвѣчалъ онъ. Дѣлать было не чего, и пожавъ плечами, принялись мы за ужинъ. Потомъ хозя-

инъ проводилъ насъ въ спальню, то еспѣ на чердакъ, въ маленькой чуланъ, гдѣ мы нашли постелю, очень не мягкую и не чистую; однакожь успалось принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взялъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, гдѣ мы ужинали, и сѣлъ написать къ вамъ нѣсколько спрокъ, друзья мои! Между тѣмъ товарищъ мой спитъ очень покойно. Однакожь я намѣренъ теперь разбудить его, чшобы, напившись кофе, идти въ Цирихъ. Вѣщерь ушихъ, и небо прояснилось; скоро будетъ свѣшашъ.

=

Цирихъ.

Въ половинѣ девятаго часа пришли мы въ Цирихъ, въ самое то время, когда весь народъ шелъ изъ церкви; и такимъ образомъ въ сіе Воскресенье не удалось мнѣ слышать Лафатеровой проповѣди. Всѣ мужчины и женщины, копорья мнѣ встрѣчались на улицахъ, были одѣшы по праздничному: первые большею частію въ темныхъ кафшанахъ, а послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ черномъ длинномъ плашьѣ изъ шерстяной матеріи; на головахъ у нихъ были или чепчики или покрывала. Праздничное плашье Цирихскихъ Сенапоровъ

состоишъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ крагеномъ. Въ такомъ нарядѣ ходяшъ они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по Воскресеньямъ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафашеръ очень ласково, и наговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочется, чтобы я выдалъ на Русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. «Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ. Вы можете собрать подписку, и увѣришь Публику, что въ извлеченіи моемъ не будетъ ни одного недуманнаго слова.» Что вы объ этомъ скажете, друзья мои? Найдутся ли у насъ чипашели для такой книги? По крайней мѣрѣ сомнѣваюсь, чтобы ихъ нашлось много. Однакожь я принялъ Лафашерово предложеніе, и мы ударили съ нимъ по рукамъ. — Опѣ него ходилъ я на Цирихское загородное гульбище, большой прекрасный лугъ, на берегу рѣки Лиммашы, осыняемый старыми, почтенными липами. Тамъ нашелъ я очень много людей, которые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Такой обычай въ Цирихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ человекъ говоритъ вамъ: *добрый день, или добрый вечеръ!* Учтивость хороша; однакожь рука устанетъ снимать шляпу — и я рѣшился наконецъ ходить по городу съ открытою головою. Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафашеру, и ужиналъ у него съ

нѣкопорыми изъ его пріятелей и со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, которъй теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицомъ, а меньшая очень пріятна и рѣзва; первой будетъ около двадцати, а послѣдней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей — я обратился на Лафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будетъ требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ шѣхъ, которые бранятъ его такъ жестоко; довольно, если онъ не плашитъ имъ такою же бранью. Пфеннингеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать шѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я счишаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости; и человекъ, которъй, поступая согласно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великой человекъ. Между тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

=

Нынѣ поутру пилъ я кофе у Господина Т*, опца извѣстной вамъ дѣвицы Т*, и познакомился со всѣмъ его семействомъ, довольно мно-

гочисленнымъ. Удивляюсь, какъ отецъ и мать могли опустить дочь свою въ такую опдаленную землю! Состояніе ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ) очень не бѣдно — да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Къ тому же Швейцары такъ страстно любятъ свое отечество, что почитаютъ за великое несчастіе надолго оставлять его. — Вместе съ Господиномъ Т* ходили мы смотрѣть ученія Цюрихской милиціи. Почти всѣ жишли были зрители сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и — непріятное. Г. Профессоръ Брейшигеръ, съ копорымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣтился мнѣ въ толпѣ народа, когда уже кончилось ученіе, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каково показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я думалъ, что онъ говоритъ о паденіи Рейна; воображеніе мое тотчасъ представило мнѣ эту величественную сцену — земля задрожала подо мною — все вокругъ меня зашумѣло — и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ! кто можетъ описать великолѣпіе такого явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* «Эпо были наши волонтеры» — отвѣчалъ мнѣ Господинъ Профессоръ, и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я понялъ, что онъ спрашивалъ меня не о паденіи Рейна, а объ ученіи Цюрихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему *отвѣтъ* мой? Признаюсь, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, что-

бы вывести его изъ заблужденія, споль оскорбительнаго для моего самолюбія; но между тѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, пребывающій утѣшенія, или путешественникъ, не пребывающій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ мнѣ, что я могу идти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда, — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ со всѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку, и на крестьянской дворъ. *Жива ли она?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится*, отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я спарую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нее, какова она? *Умираю — умираю*, отвѣчала спарушка, и болѣе не могла сказать.

ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафашеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ приговлять ее къ смерти.» Часъ твой приближился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не тны, но только брѣнное плѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту мину, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, — видѣла возросшихъ дѣтей и внучатъ своихъ, возросшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицомъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно счастливое семейство! » — При сихъ словахъ прервался Лафашеровъ голосъ; онъ уперся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, простился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей — сказалъ, чтобы они не плакали, и давъ имъ по нѣскольکو копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакожь слезы не хотѣли лишиться изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафашеру, удивляясь его дѣятельности. «Другъ мой!» отвѣчалъ онъ съ улыбкою: «человѣкъ можетъ дѣлать много, если захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ,

пѣмъ болѣе находишь въ себѣ силы и охоты къ дѣйствію. »

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ, доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя, въ пользу немущихъ брашій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ фیزیогномическихъ правилъ* (въ заглавіи копорыхъ написано: *Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern*) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ* *; за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ опдашь ихъ одному бѣдному Французу, который пришелъ къ нему просить милосшыни.

=

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодни съ человѣкомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ, который мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо

* Лафатеръ въ печатномъ своемъ Фیزیогномическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе. — *Памятникъ для путешественниковъ* есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ *Hand-Bibliothek für Freunde*.

по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Геснеромъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ Господиномъ Т*, и прельсшилъ меня просшою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ нимъ и съ двумя сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Не лзя было выбрасть лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одного облачка и вода едва, едва спруилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо-выспросенныя деревни, сельскіе домики богашыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградныя сады, копорые проспирающся непрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертный Клопшпокъ—съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ молодыхъ дѣвицъ — кашался по озеру. «Я какъ шеперь смопрю на Клопштока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красный кафшанъ. Въ томъ день опмѣнно правилась ему дѣвица Шинцъ. Виршмилеръ сдѣлалъ изъ ея перчашки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божесшвенный пѣвецъ Мессіады разливалъ радоснь вокругъ себя. » Сію ээирную радоснь — радоснь, какую могутъ шолько чувсшвовашъ великія души — воспѣлъ Клопшпокъ въ прекрасной одѣ своей Züricher - See, копорая осшалась вѣчнымъ памяшникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣсшпахъ — пребыванія, лаврами и миршами увѣчаннаго. Г. Тоблеръ — говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь пѣвецъ Мессіады — ска-

зываетъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя пастушки, единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Клоппшока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir! (*ахъ, читая Клариссу и Мессиаду, я внѣ себя бываю!*) Друзья мои! вообразите, что въ эпиграфскую минушу чувствовало сердце Писнописца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы оплыли отъ города двѣ мили или около пятнадцати верстъ. Тутъ надлежало намъ выйти на берегъ близъ небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ Священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и подлѣ всякаго есть садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядами, на которыхъ распускаются благовонныя цвѣты и поваренныя травы. Во внутренности домовъ все чисто. Тутъ видѣлъ я семейный крестьянскій обѣдъ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молитву; послѣ чего сѣли вокругъ стола — мужъ подлѣ жены, братъ подлѣ сестры — и принялись за супъ, а потомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молитвою: при чемъ мужчины стояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жители не рѣдко обѣдаютъ

въ шляпахъ, — что почищается у нихъ знакомъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ пракширѣ, и ѣли очень вкусную рыбу, ловимую въ Цирихскомъ озерѣ. Говоряшъ, будто въ Швейцаріи вообще больше ѣдятъ, нежели въ другихъ земляхъ, и приписываютъ это дѣйствию здѣшняго остраго воздуха. Что принадлежитъ до меня, то хотя обѣдаю и ужинаю въ Швейцаріи съ добрымъ аппетитомъ, однакожь не могу называть его чрезмѣрнымъ или опмѣннымъ. После обѣда переѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣшилъ насъ свойственникъ Господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей и большой плодovitый садъ. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ подчивалъ насъ прекрасными абрикосами и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ; между тѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цирихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, копорыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ.

Въ Цирихѣ есть такъ называемая *дѣвичья школа* (Töchter-Schule), копорая достойна вниманія всѣхъ, прїѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 молодыхъ дѣвушекъ (отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ) читають, пишутъ, ариѳметикѣ, правиламъ нравственности и экономіи: то есть, пригошьяющія бытъ хорошими хозяйками, супругами и матерями. Пріятно видѣть вмѣстѣ столько молодыхъ, опрятно и чисто одѣтыхъ красавицъ, копорыя занимающія своимъ дѣломъ въ швейцаріи и съ великою прилѣжностію, подъ надзираніемъ благонравныхъ учительницъ, обходящихся съ ними крошечко и ласково. Тутъ дочь богатѣйшаго Цирихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство. — Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гм. Профессоромъ Успери, копорый, къ общему сожалѣнію своихъ согражданъ, умеръ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можетъ бытъ ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдающія законы супружеской вѣрности — и жена, копорая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почищаетъ воспитаніе дѣтей главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самыя богатые изъ Цирихскихъ жи-

Томъ III.

ПАМУТАЛИ.

пелей не держашъ болѣе одной слѣжанки, по всякая хозяйка находишъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнетается праздно-спію, маперью многихъ пороковъ, и рѣдко ходишъ въ госпи. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! въ здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, чепыре пріятельницы — разговаривающъ дружески — вмѣстѣ работающъ, или читающъ Геснера, Клопшюка, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, копорые не приводятъ цѣломудрія въ краску. Рѣдко бывающъ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мужчинами, а при чужестранцахъ спыдяшя говоришъ, думая, что Цирихской выговоръ прошивенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣвающся просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ. — Мужчины отправляютъ по усру дѣла свои: купецъ идешъ въ контору или въ лавку, Ученый сажидся читать или писать, художникъ беретъ за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдающъ, а ввечеру прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ куряшъ табакъ, пьюшъ чай и кофе — купцы говоряшъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продающся ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играющъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства убивать время (простите мнѣ эшотъ Галлицизмъ), средства, кошо-

рое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и постарались заградить ей входъ въ свою республику. Мужчины не могутъ здѣсь носить ни шелковаго, ни бархатнаго плаща, а женщины ни брилліаншовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ, и пошому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ другихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидишь вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреблять не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго соблюдается. На прим. у Лафашера за сполномъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее, можетъ быть, изъ Аппеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыжалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, плащъ, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богатые люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ шракширѣ стоить здѣсь восемь

*

ПАМУТАЛИ.

гривенъ ; по же самое плашилъ я въ Базелъ и въ Шафгаузенъ. Правда , что въ Швейцарскихъ пракширахъ никогда не подають на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ блюдъ , и попомъ десертъ на чешырехъ или на пяши шарелкахъ.

=

Я всякой день бываю у Лафашера , объдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаясь. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкается и спрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, дозволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ опвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ : «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая * для мудрыхъ и слабоумныхъ? » — Опвѣтъ : «Бытіе есть цѣль бытія. — Чувство и радость бытія (Daseynsfrohheit) есть цѣль всего, чего мы искать можемъ. Мудрый и слабоумный ищутъ только средствъ наслаждаться бытіемъ своимъ, или чувствоваться имъ — ищутъ того, черезъ что они самихъ себя сильнѣе ощущать могутъ. — Всякое чувство и всякой предметъ, постигаемый копорымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ, суть прибавленія (Beiträge) нашего самочувствова-

* То есть, до копорой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить это слово.

«нія (Selbstgeföhles); чѣмъ болѣе самочувство-
«ванія, тѣмъ болѣе блаженства. — Какъ
«различны наши организаціи или образованія,
«такъ же различны и наши потребности въ
«средствахъ и предметахъ, копорые новымъ
«образомъ дають намъ чувствовашъ наше
«бытіе, наши силы, нашу жизнь. — Мудрый
«опличаешся опъ слабоумнаго только сред-
«ствами самочувствованія. Чѣмъ просше, вез-
«дъсущнѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и
«благодѣшительнѣе естъ средство или предметъ,
«въ копоромъ или черезъ копорый мы силь-
«нѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе (existen-
«ter) мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бы-
«тіе наше — тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе,
«любящѣе (liebender), любимѣе, живущѣе, ожи-
«вляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божествен-
«нѣе, съ цѣлію бытія нашего сообразнѣе. —
«Изслѣдуйте точно, чрезъ что и въ чемъ вы
«пріятнѣе или шверже существуете? Что
«вамъ доставляетъ болѣе наслажденія — ра-
«зумѣеся такого, копорое никогда не можетъ
«причинитъ раскаянія — копорое всегда съ
«спокойствіемъ и внутреннею свободою духа
«можетъ и должно бытъ снова желаемо? Чѣмъ
«достойнѣе и существеннѣе избираемое вами
«средство, тѣмъ достойнѣе и существеннѣе
«вы сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаешесь,
«то естъ, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе
«существованіе ваше — тѣмъ болѣе прибли-
«жаешесь вы ко всеобщей и особой цѣли
«бытія вашего. Опошеніе (Anwendung) и

«изслѣдованіе сего положенія (отношеніе и
«изслѣдованіе естъ одно) покажешъ вамъ испи-
«ну, или (что опять все одно) всеобщности
«мощь онаго. Цирихъ, въ Четвертокъ ввече-
«черу, 20 Августа 1789. Іоаннъ Каспаръ Лафа-
«шеръ.» Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ,
друзья мои? Вы конечно не подумаете, чтобы
я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Ла-
фашера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось
только узнать, что онъ можетъ ономъ ска-
зать. Такимъ образомъ всякое упрямство прихожу
къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ
прячетъ мою бумажку въ карманъ, и ввечеру
отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же написанный,
— оставляя у себя копию. Я увѣренъ, что все
это будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его
сочиненіи, которое съ новаго года должно
выходить въ Берлинъ, подъ титуломъ: *отвѣ-
ты на вопросы моихъ пріятелей* *.

Лафашеръ намѣренъ еще издавать, также

* Я угадалъ, — и первая піеса, напечатанная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи, естъ отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскимъ Рецензентамъ показалось забавно: *die constante, solideste, sutenabelste existenz* — или: *Daseyn ist der Zweck des Daseyns*, — — и проч. «Г. К* (говорящій Рецензентъ во Всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафашеровыхъ мыслей; ему, оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего.» — Мнѣ кажется, что мысли Лафашеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлинцевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны; здѣсь можно назвать новыми только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что Лафашеръ не всегда думаетъ о числѣ Нѣмецкаго слога.

съ будущаго года, Библіотеку для друзей, гдѣ будутъ помѣщаемы такія піесы, копорыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочеть сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію библіотеку; и хошя она будетъ печашная, однакожь они обязывающіся счишашь ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; ешлы онъ проживеть еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, по его словамъ, сочиненіе ешъ для него не работа, а отдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишеть для публики и для пріятелей, ведеть онъ журналъ жизни своей, копорый ешъ тайна и для самыхъ друзей его, и копорый останеться въ наслѣдство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкошорыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много любопытнаго — и я почти увѣренъ, что онъ со временемъ будетъ напечатаны — ешлы не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣшей вашихъ, друзья мои. Девятый-надесять вѣкъ! сколько въ шебѣ откроется такого, что теперь счишашь тайною!

Раза три былъ я у почтеннаго спарика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шестъ, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много рассказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швей-

царскомъ Теокришъ! «Геснеръ украсилъ весну
«жизни моей (говоришъ онъ) — и во всѣхъ
«пріятныхъ сценахъ моей юности, о кошо-
«рыхъ теперь съ удовольствіемъ воспоминаю,
«вижу его передъ собою. Часно проводили мы
«вмѣстѣ длинные зимніе вечера въ чтеніи
«Поэшовъ; и почти всегда, когда я приходилъ
«къ нему, встрѣчалъ онъ меня съ какою ни-
«будь пріятною новостію, имъ сочиненною.
«Домъ его былъ Академіею изящной Лишшера-
«туры и Искусства — Академіею, какой Госу-
«дари основать не могутъ.» Вы знаете, что
Геснеръ посвятилъ своего Дафниса одной дѣви-
цѣ; но не знаете, можешь быть, что эта дѣ-
вица была дочь Г. Гейдеггера, Цирихскаго Се-
нашора, и что шворецъ Дафниса скоро послѣ шо-
го женился на ней, и жилъ съ нею всегда какъ
любownikъ съ любовницею. — По любви къ че-
ловѣчеству прискорбно было мнѣ слышать, что
Геснеръ не могъ перенести Лафашера, и не смо-
тря на всѣ старанія общихъ друзей ихъ, ни-
когда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ
болѣе чести Лафашеру, что онъ, по смерти
Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Профессоромъ Мейшеромъ, — брашомъ
того Мейшера, копорый написалъ на Фран-
цузскомъ языкѣ извѣстную книгу о *естествен-*
номъ правоученіи, и копорый, будучи выгнанъ
изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живешь
теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ
разъ. Наружность его не очень привлекательна,
однакожь обхожденіе его весьма пріятно. Онъ

говоришь почти такъ же хорошо, какъ пишешь. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкопорыя изъ его сочиненій (Kleine Reisen и Charakteristik Deutscher Dichter), и поблагодарилъ его за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Если бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при спрашной канонадѣ неба! Казалось, что небесный громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины: но онъ спояли, и рука его ушомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула.

=

Въ Цирихскомъ Кантонѣ считается около 180,000 жителей, а въ городѣ около 10,000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на кошорые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ другими по преимуществу, что изъ него выбирается въ Члены Верховнаго Совѣща осьмнадцать человекъ, — изъ прочихъ же только по двѣнадцать. Сему Совѣщу принадлежитъ законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судитъ такъ называемый *Малый*

Совѣтъ , или Сенапъ (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомиспровъ) , для котораго избирается особенно изъ cadaго цеха по шести человекъ; они называются Сенапорами, и всякой годъ смѣняются. Кому двадцать лѣтъ отъ роду , тотъ имѣетъ уже голосъ въ Республикѣ , то есть , можетъ избирать въ судьи ; въ тридцать лѣтъ можно быть Членомъ Верховнаго Совѣта, а въ тридцать пять Сенапоромъ , или Членомъ Малаго Совѣта. Цирихской жишель , имѣющій право гражданства , такъ же гордится имъ , какъ Царь своею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ никто не получалъ сего права ; однакожь его хотѣли дать Клопптоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ навсегда осѣлся въ Цирихъ.

=

Въ Субботу ввечеру Лафашеръ затворяется въ своемъ кабинетѣ для сочиненія проповѣди — и чрезъ часъ бываетъ она готова. Правда, если бы онъ говорилъ все такія проповѣди , какую я нынѣ слышалъ , то ихъ сочинять не трудно. Спаситель снялъ съ насъ бремя грѣховъ: и такъ будемъ благодарить Его — сіи мысли , выраженные различнымъ образомъ , составляли содержаніе всего поученія. Одни восклицанія, одна декламація, и болѣе ничего! Признаюсь , что я ожидалъ чего нибудь лучшаго. Вы скажете , что съ народомъ такъ говорить надобно ; но Лавренцій Спернъ го-

ворилъ съ народомъ, говорилъ просто, и прогалъ сердце — мое и ваше. Видъ, съ какимъ проповѣдуешь Лафашеръ, мнѣ понравился.

Цюрихскіе проповѣдники являюпся на кафедрахъ въ какихъ-то спранныхъ черныхъ шушунахъ, съ большими бѣлыми и жестко-накрухмаленными крагенами. Обыкновенно же ходяшъ они въ черныхъ или темныхъ кафшанахъ. Лафашеръ носишъ на головѣ черную бархашную скуфейку — но только онъ одинъ. Не для того ли почли его шайнымъ Кашоликомъ?

Когда въ церкви поюшъ псалмы, мужчины стояшъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ сядяшся, надѣваюшъ шляпы, молчашъ и слушаюшъ. — —

Я познакомился на сихъ дняхъ съ двумя молодыми соопечесшвенниками моего пріятеля Б*: съ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Данскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, копорыя ошмѣнно понравились Коппенгагенской публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авшоръ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивишесь; но шущъ нѣшъ ничего чуднаго. Зависшъ вооружила прошивъ него многихъ Писашелей; они вздумали увѣряшъ публику, что Оперы Господина Баг* ни къ чему не годяшся. Молодой Авшоръ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ толпѣ непріятелей. Въ газеташъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ — однимъ словомъ, вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ опбрани-

вался; наконецъ почувствовалъ истощеніе силъ своихъ , съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пирмоншъ къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ его въ Швейцарію лечиться горнымъ воздухомъ. Молодой Графъ М*, учившійся въ Геттингенѣ , согласился вмѣстѣ съ нимъ путешествовать. Оба они познакомились съ Лафашеромъ , и полюбились ему своею живою. И шопъ и другой любилъ аханье и восклицанія. Графъ бѣгалъ себя по лбу и спучилъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо , когда Лафашеръ говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ ; любезный мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

=

Цюрихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цюриха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафашера , и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктаурою (вы удивитесь; но учивый Лафашеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по Нѣмецки не худо). Въ послѣдній разъ ходилъ по берегу Лиммашы — и шумное печеніе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ.

Я сѣлъ на лавкѣ подѣ высокою липою, про-
шивъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поспа-
вленъ будешь монументъ Геснеру. Томъ его
сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно
читашъ здѣсь всѣ его несравненныя Идил-
ліи и Поэмы, читашъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ
онъ сочинялъ ихъ!) — я вынулъ его, развер-
нулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ
«глаза. Потомство справедливо чтишь урну
«съ пепломъ Пѣснопѣвца, копорого Музы себѣ
«посвятили, да учишь онъ смертныхъ добро-
«дѣтели и невинности. Слава его, вѣчно
«юная, живетъ и тогда, когда пророки завое-
«ваша гниютъ во прахѣ, и великолѣпный
«памятникъ недоспойнаго Владѣтеля среди
«пустыни заросшаеъ дикимъ терновымъ ку-
«старникомъ и сѣдымъ мхомъ, на копоромъ
«иногда опдыхаетъ заблудшійся странникъ.
«Хотя, по закону Нашуры, не многіе могутъ до-
«стигнуть до сего величія, однакожь похваля-
«но стремиться къ оному. Уединенная про-
«гулка моя и каждый уединенный часъ мой да
«будутъ посвящены сему стремленію!» Воо-
бразите, друзья мои, съ какимъ чувствомъ
я долженъ былъ читать сіе, въ двухъ шагахъ
отъ того мѣста, гдѣ Нашура и Поэзія въ
вѣчномъ безмолвіи будутъ лишь слезы на
урну незабвеннаго Геснера * ! Не его ли посвя-

* На монументъ Геснеровомъ изображены Поэзія и Нашура
въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ надъ
урною.

шили Музы въ учишели невинности и добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жишь будешь и тогда, когда профетіи завоевателей исплѣются во прахъ? Предчувствіемъ безсмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи спроки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ нѣкогда и городъ, въ копоромъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ теченіе столѣтій загладитъ развалины Цириха; но цвѣты Геснеровыхъ твореній не увянутъ до вѣчности, и благоволеніе ихъ будешь изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаждая всякое сердце.

Друзья мои! Писателямъ открыты многіе пути ко славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; многихъ хвалишь попомсшво — но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будешь незабвенно; но еслили хошите заслужить любовь попомсшва, то пишите шакъ, какъ писалъ Геснеръ — да будешь перо ваше посвящено добродѣтели и невинности!

=

Бадень.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мною навсегда,

говоря, что я непременно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лиммашы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендабельныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ непременности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Спарикъ Тоблеръ проспился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, кошорая естъ любимый предметъ ушренныхъ и вечернихъ его размышленій. —

На каждой версшѣ опъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и карешы, изъ которыхъ выглядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Опъ Іюня до Октябрю мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена пупешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ не полюбилось. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и прѣбовали подаянія. Не слушая опказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ спановился вверхъ ногами, другой кривлялся, прешій игралъ на дудкѣ, четвертый прыгалъ на одной ногѣ, пятый надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляешь ихъ просить милосшыни; имъ нравишся шолько сей легкой способъ получають деньги. — Жаль, что опцы и машери не унимають ихъ! Маленькіе шулуны могутъ со временемъ сдѣлашся большими — могутъ распространить въ своемъ

опечесивъ опасную нравственную болѣзнь , опъ копорой рано или поздно умираешъ свобода въ Респу́бликахъ. Тогда, любезные Швейцары , не поможешъ вамъ бальзамическій воздухъ горъ и долинъ вашихъ — увянешъ краса нѣжной богини , и слезы ваши не оживяшъ хладнаго трупa .

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормишъ лошадей. Сей городокъ , спѣсненнй со всѣхъ споронъ высокими горами, находящя подъ начальствомъ Цирихскаго , Бернскаго и Гларисскаго Кантоновъ , и славенъ своими цѣлебными шеплицами , копорыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquae Helveticae). Опъ города будешъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ , и я пошчасъ пошелъ шуда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному источнику , и пошому самые дѣйствительнѣйшіе — бываюшъ всегда опкрыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣло при мнѣ чловѣкъ двадцать , опускась въ воду по горло ; блѣдныя и желшыя лица ихъ показывали , что они не для забавы пользующя водами. Въ шракширахъ , копорыхъ шупъ очень много, сдѣланы разныя бани , гдѣ моюшся больные и здоровые , плашя за шо бездѣлку. Вода сносно горяча , и пахнешъ сѣрою. Она проведена съ другой спороны Лимманы (копорая щечешъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротой) и шруба идешъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываешъ у водъ до осьми сошъ прѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинныя рога, опъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на Сапировъ. — Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ шѣхъ, въ которыхъ я былъ) почти на всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда опмѣнно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschir aufs Feuer, und glüht (*сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огонь горитъ*) — а надъ другимъ: Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt (*сохрани насъ Господь отъ пожара ночью порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою*). Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss (*о человѣки! покайтесь душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою*) — а вторая: Auf Gott deine Hoffnung bau, denn dies Haus heist zur schwarzen Sau (*на Бога уповай ты мыслію своею, ибо сей домъ называется черною свиньею*). Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленъ дурачиться, и писатъ, что ему угодно. Всякой желаетъ оставлять по себѣ памятники — и сочинили сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ ризмахъ своихъ наслаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведеніе дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. —

Поселяне Швейцарскіе любяшъ расписывать свои дома разными красками и фигурами; по большой части изображающа тушъ древніе Герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги; иногда же гербы Кантоновъ съ сею надписью: Als Demuth weint', und Hochmuth lacht, da ward der Schweizer-Bund gemacht (т. е. когда смиреніе проливало слезы и гордость смѣялась, тогда заключился союзъ Швейцаровъ).

=

АРАУ, въ 8 часовъ вечера.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габебурга. Вы знаете, любезные друзья, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ кошорыхъ произошелъ Австрійскій домъ — и потому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, откуда храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тушъ живешъ нынѣ спорожъ, кошорый въ случаѣ пожара даешъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, стрѣлая изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цирихскомъ. Ничего не можешъ бышъ прекраснѣ здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовишыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, кошорые по

соединяются , то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водяной, запутанный лабиринтъ. Тамъ видны аллеи , самою Природою насажденные; здѣсь густыя лѣсочки, прохладу спранныкамъ обѣщающіе. — Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе дома покрыты соломой, и раздѣляются обыкновенно на двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, жишницъ и хлѣвовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, непочиненнаго ; во всемъ соблюдена удобность , и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе , можно сказать , цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того, что они не плашатъ почвы никакихъ подазей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ими есть такіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячъ рублей капитала, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ толстаго полотна ; а въ праздники надѣваютъ суконные кафшаны, по большей части синіе или дікіе. Женщины носятъ желшья соломенные шляпы, красныя спамедные корсеты съ крючками и юбки темнаго цвѣта ; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою.

Я нанялъ кучера только до Арау , малень-

каго, изрядно выспроеннаго городка въ Бернскомъ Кантонѣ. Въ ожиданіи Базельскаго дилижанса (въ кошоромъ хочу ѣхать доерна, и кошораго ожидающъ сюда къ девяти часамъ) велѣлъ я пригошовишь себѣ ужинъ.

=

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поушру пріѣхалъ я въ Бернъ, и съ шрудомъ могъ найши для себя комнашу въ шракширѣ *Вльнца*: шакъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Докшору Ренггеру, кошорый, по Лафашеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хощѣлось побродить по городу, шо онъ вызвался бытъ моимъ пушеводителемъ.

Бернъ естъ хоща спаринный, однакожь красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ кошорыхъ съ шумомъ шечешъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ шого весьма полезная въ случаѣ пожара. Дома почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ шри эшажа, и предшавляющъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жишелей, не шакъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часшо низкая хижина преклоняешся

къ землѣ подѣ тѣнію колоссальныхъ палащъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подѣ домами, столь удобные для пѣшеходцевъ, копорые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не бояшся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, копорые за небольшую сумму денегъ учаща и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Опшуда пошли мы въ публичную библіотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, копорому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ ѣсть могъ. Докторъ Ренггеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держашъ живаго медвѣдя, копорый есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (что есть *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ строитъ этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвашъ его именемъ перваго заправленнаго звѣря; что онъ заправилъ медвѣдя, и пошому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, копорое послѣ превратилось въ *Бернъ*. — Въ библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на копорыхъ я дни черезъ шри бытъ надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины,

и даже маленькія дорожки. Но рельефъ Генерала Пфиффера, Луцернского гражданина, долженъ бытъ еще гораздо превосходнѣе. Сей человекъ съ удивительною неутомимостію спрансывовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ — снималъ мѣры — и все сіе представилъ попомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностію. Два раза былъ онъ захваченъ горными жишелями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и вода съ собою двухъ козъ, копорыхъ молоко соспавляло всю его пищу.

Изъ библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подлѣ кафедральной церкви, гдѣ, подлѣ стѣнію древнихъ каштановыхъ деревьевъ, въ самый жаркой полдень можно наслаждашся прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, копорыя, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляющя въ видѣ шонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будешъ въ шестъ или въ семь сотъ фушовъ. Внизу печешъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергаешся съ высокой площади. Въ стѣнѣ, копорую обведено эшо гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Веинценфли, Студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви*

въ Керцерсѣ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года. Хопя иному чудно покажешся, что человекъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ оспашься; однакожь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жишелей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказывающъ, что на Спуденшѣ былъ тогда широкой плащъ, кошорый, захвативъ подъ себя много воздуха, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Шшапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смошрѣли мы на горы, кошорыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's, der der Berge Spitzen röthet mit Blitzen!
(Богъ краситъ молніями вѣтцы горъ.) Между тѣмъ Шшапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минушъ опшрашишъ глаза свои опъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опяшъ взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закашилось. Я былъ пораженъ сею скорою переменою, и гошовъ былъ воскликнушъ: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ спало грустно — и мы тихими шагами возврашились въ городъ.

Нынѣ поушру былъ я у Проповѣдника Вишпенбаха, ученаго Нашуралиста, который перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ, и сочиняешъ шеперь описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи. Хошя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не чишаешъ книгъ, наполненныхъ мечшами воображенія: и хошя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли машерію для разговора, и для него и для меня занимашельную — а именно, мы говорили о Галлеръ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смошря на свою болѣзнь и слабосшь, съ великимъ любопышсшвомъ чишалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опышовъ, и опчаспи повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, кошорыя любилъ онъ спрасшно! — Вишпенбахъ, путешешвуя всякой годъ по самымъ опдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихъ! «Я успѣю бышь въ городахъ и шогда (говоришь онъ), когда опъ спароспи не въ сосшояніи буду ходишь по Альпамъ.»

На террасѣ встрѣшился я нынѣ съ Графомъ д' Аршуа, который шамъ прогуливался со многими знашными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочешъ показывашься веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно спѣшенное

сердце. Такія-то перемѣны бывають въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отпрапляется за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливый путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незваннымъ господамъ.

Въ шракширѣ *Вьнца*, гдѣ я живу, не сядишь за столъ менѣе прицати человекъ, Французовъ и Англичанъ, между которыми бывають жаркіе споры о перешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодня за ужиномъ бѣдный Италіанской музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хопѣли, чшобы онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте*, сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отецъ въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтъ сиротою жилъ.

Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;

Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говоришь,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводитъ.

Я арфу взялъ — ударилъ въ струны;
Смотрю — и въ сердцѣ горя пѣшь!...
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!

Томъ III.

5

«Вошъ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски *: я спрансшвую по свѣшу, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнишь шаланшы.» *Браво! браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько шалеровъ.

Завтра думаю отправишься къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму только теплой шершукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большого озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣшилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ шракширъ Фрейгофъ; заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

* Иѣсно пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время опходишь опсюда почповая лодка, на кошорой переѣду черезъ озеро.

=

Тунское озеро, 5 часовъ утра.

Темноша ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минуша опъ минушы яснѣе. Все дымишся! Тонкія облака шумана носяшся вокругъ нашей лодки. Влага проникаетъ сквозь мое плашье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣшокъ, кошорый долженъ служишъ мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Напура! прости слабому! на нѣсколько часовъ оп-вращаетъ онъ взоръ свой опъ швоего великолѣпія.

=

Въ семь часовъ. По обѣимъ сторонамъ озера непрерывно продолжающся горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрышы онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чисшыя ручьи ниспадающъ съ камней. Внизу дымяшся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и — можешъ бышъ —

спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ швоемъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькой ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беатусъ, первѣйшій изъ Христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старый замокъ Шпицъ, который принадлежалъ некогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали опеческву важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Последними опраслями сего Дому были Леонардъ и Амалія, прекрасный юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахъ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ который два первые Дома соединялись шѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Ушѣхи свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда новобрачные и всѣ гости гуляли въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкій вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ веселыхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами; мелкія волны пѣнились подъ

лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали том-
нось въ сердца супруговъ, копорые съ нѣ-
жнымъ шепетомъ другъ ко другу прижима-
лись. Уже наступалъ вечеръ, и плавали
безпрестанно отъ береговъ удалялись. Солн-
це село — и вдругъ, какъ будто бы изъ глу-
бины ада, заревѣла буря; озеро страшно взвол-
новалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ
плыть къ берегу, но берегъ во мракъ скры-
вался отъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ
обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ
грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ
состояніе супруговъ! Сперва спарались они
ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помо-
гали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ оспа-
ются тщетными, и что гибель неизбежна,
поручили судьбу свою Богу, обтерли послѣд-
нюю слезу о жизни, обнялись и дожидались
смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на
лодку — и всѣ пошонули, всѣ, кромѣ одного
гребца, копорый доплылъ до берега, и при-
несъ вѣсть о гибели несчастныхъ. Такимъ
образомъ пресѣлся древній родъ Бубенберговъ,
и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому
Эрлаховъ, копорый по сіе время считается
знаменѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ. — Съ
печальными мыслями разсматривалъ я сей за-
мокъ; въперъ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ
его.

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ. Приславъ къ берегу версшы за двѣ опсюда, шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены опмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣють въ лицахъ своихъ что-то особенное. — Я нанялъ теперь проводника, копорому извѣстенъ путь по Альпійскимъ горамъ — и черезъ часъ пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считается опсюда около десяти версшъ.

Лаутербрунненъ. Дорога опъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Лишшины, копорая течетъ съ ужасною быспропою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за копорымъ долина становится часъ опъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версшы за двѣ не доходя до Лаутербрун-

нена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 фузовъ вышиною. Въ семь огудаленіи кажешся онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену, и разсмапривалъ его со всѣхъ споронъ. Вода прямо лешптъ внизъ, почпи не допрогиваясь до ушеса горы, и разбиваясь, шакъ сказапъ, въ воздушномъ преспранспвѣ, падаешъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дожда. Шаговъ на сто вокругъ разносяпся влажные брызги, кошорые въ нѣсколько минупъ промочили насквозъ мое плапье. — Попомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *Триммербахъ*, до кошораго будешъ ошсюда около двухъ верспъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внушренноспи ея съ шумомъ падаешъ и спремшся въ долину, гдѣ мало по малу ушпшая свою яроспъ, образуешъ чпспую рѣчку. Видѣ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *Триммербаха* соспавляюпъ дикую красопу, плѣняющую любиптелей Напуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣспѣ, сппя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ великой успалоспи, возвратился въ Лаушербрунненъ, гдѣ теперъ опдыхаю въ шракширѣ.

=

Въ восемь часовъ вечера. Свѣплый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сппу на мягкой му-

равъ, и смопрю, какъ свѣтъ его разливаешся по горамъ, осребряешъ гранишныя скалы, вышаешъ густую зелень соснъ, и блиспаешъ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрышой. Два снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобные, сославляють ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось; самыя бури не могушъ до нихъ возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызають ихъ нѣжную округлосшь; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго шворенія! — Я смопрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ, въ
9 часовъ утра.

Въ чешыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ спупилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбирашся на крушизны. Ушро было холодно; но скоро почувствоваль я жаръ, и скинулъ съ себя шеплый серпукъ. Черезъ чешверть часа ушпалосшь подкосила ноги мои — и пошомъ каждую минушу надлежало мнѣ опдыхашъ. Кровь моя волновалась шакъ

сильно, что мнѣ можно было слышать бѣеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, копорые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратитъ въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ кающагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, копорый вспрѣвшился симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбежна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, копорая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и спутилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная переменна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кшо въ сихъ границахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ споль явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность! . . . Друзья мои! я споялъ на высочайшей ступени, на копорую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему! . . . Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минушу.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя поце-

ченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человека, оспариваясь въ долину — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жишелей Лаутербруннена, не завидывая имъ въ томъ, что они въ самую сію минушу увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *Штауббаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпами скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на копоромъ сползшія оставляютъ едва примѣтные слѣды *, забываетъ онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ шепчешь сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, копорая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, копорыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментахъ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ копорыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ,

* Всякое лѣто падаютъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Если бы можно было перечислить сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

пиво и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни споловъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя паспушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что просшая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ ошвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую сползло мнѣ только шагнущъ, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минушку низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

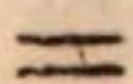
Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по оплоному скапу — мимо спадъ, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени — начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежишь эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній глетшеръ, или ледникъ; а нижній открылся гораздо уже послѣ, буду-

чи заслоняемъ горою, съ копорой мы спускались. Сіи ледники сущь магнись, влекущій пущешеспвенниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, копорый былъ ко мнѣ ближе. Вообразише себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множесство высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ копорыхъ хошя и не видалъ я ничего подобнаго хруспальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ шущь однимъ Французскимъ Писашелемъ, но копорыя въ самомъ дѣлѣ представляющъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кшо первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, копорого валы ошъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ преврашились въ ледъ; но могу сказащъ, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей пущешеспвенникъ или Писашель имѣлъ пишическое воображеніе. — Посмошрѣвъ на ледникъ съ шого мѣста, гдѣ съ спрашнымъ ревомъ вышекаешъ изъ-подъ свода его мушная рѣка Лишшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшилсѣя взойши выше. Къ нещасію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не хошѣлось оспавищъ своего намѣренія, шо я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, копорые разсыпались подъ моими ногами, шакъ что я безпреспанно спощыкался и ползъ, хватающъ руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предаешъ меня судьбѣ моей; но я, смощря на него съ презрѣніемъ и не ошвѣщая ему ни слова,

взбирался выше и выше, и храбро преодолевалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, устланная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшались и почти всѣ исчезающъ. Тутъ отдышалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висѣвшемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, елики не совсемъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожь очень сладкой и вкусной, которая прохледила внутреннѣй жаръ мой. Теперь, сидя въ прачшнрѣ за большимъ столомъ, дожидаясь ужина.

ГОРА ШЕЙДЕКЪ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе чепырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же трудностью, какъ вчера на Венгенальцъ. Горныя ласпочки порхали надо мною, и были печальныя свои

пѣсни; а вдали слышно было блеяніе сшадъ. Цвѣшны и правы курились аромашами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, кошорая, по измѣренію Г. Нѳиффера, вышиною будетъ въ 2400 сажень; а теперъ возвышаеиъся передо мною грозный Вешшергорнъ, кошорый часно привлекаеиъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясываеиъся ихъ молніями. За два часа передъ симъ скапились съ вѣнца его двѣ лавины, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой шрескъ, (кошорый засшавилъ меня вздрогнуиъ) — а пошомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного ушупа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ опдаленному грому, — при чемъ на нѣсколько сажень вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекъ нашелъ я паспуховъ, кошорые шакже подчивали меня шворогомъ, сыромъ и густыми, аромашическими сливками. Послѣ шакого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперъ на бугрѣ горы, и смошрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу испочникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь западная храмина Нашуры, храмина, изъ кошорой она во время засухи черпаеиъ воду для освѣженія жаждущей земли. И ешъли бы сіи снѣга могли вдругъ распопишъся, шо вшорой пошомъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не лѣзя взирашь безъ нѣкошораго ужаса на сіи концы земнаго шворенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни — нѣтъ ни деревъ, ни травъ — гдѣ меланхолическая пустоша искони царствуетъ. Иногда, надъ дикими, мертвыми утесами являешся здѣсь величайшая изъ птицъ, Альпійской орелъ, которому бѣдныя дикія козы служатъ пищею. Тщешно сіи послѣднія стараются спастись отъ него легкоствію ногъ своихъ, прыгая съ одной вышины на другую! Люшій врагъ гонится повсюду за своею добычею и наконецъ пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ несчастная уже не находитъ для себя никакого пути. Тупъ сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ онъ ее въ пропасть, и бѣдная коза, не смотря на все свое искусство въ прыганіи, неизбежно погибаетъ. Орелъ извлекаетъ ее отшуда въ острыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна птица сія умерщвляетъ безоружныхъ козъ: Альпійскіе охотники еще для нихъ спрашиваютъ. Презирая всѣ опасности, съ удивительнымъ проворствомъ взбираются они на крупины; однакожь многіе погибаютъ, падая въ пропасти, или ушопая въ моръ снѣговъ. Спрашныя анекдоты объ нихъ рассказываютъ. На прим. одинъ Гриндельвальдской охотникъ, гонясь на Шрекгорнъ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣвъ свой — уже острые гранины гошovy были расперзаны несчастнаго —

но онъ зацѣпился ногою за камень и повисъ надъ пропастію. Представьте себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отваживался лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, спастись на ноги и спуститься внизъ.

—

Долина Гасли.

Пробывъ у паспуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пути, былъ такъ называемый *Розенлавинглетшеръ*, самый прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острия свои вершины. — Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ: дичь и пустоша представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упали кипящія ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить не лзя — и, къ удивленію мо-

ему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можеше вообразишь, какъ пріятень видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, ушомившихъ мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ ошдыхалъ я по нѣскольку минушъ, и ешъли не руками, шо по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую правку вокругъ себя. — Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, кошорой жишели ведутъ пасушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скошоводства, и пишаясь однимъ молокомъ. Они дѣлають большіе сыры, и черезъ Валисцовъ ошправляють ихъ въ Ишалію. Сырные анбары построены изъ шонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чшобы воздухъ могъ ошвсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня шомила. Я оштановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пасуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него спакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ, шопчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. Она чиста, сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опяшъ вылилъ ее назадъ — посмошрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опяшъ вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ шрешій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человекъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и ешъли бы не побоялся пролишъ воды, шо конечно бы обнялъ добродушнаго па-

спуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаешь брата брата: споль любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! — Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда все люди были пастухами и братьями *! Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыя обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чшобы возвратиться въ первобытное состояніе чловѣка. Всѣми истинными удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуешь сердце, и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлають — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались они любовью (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: люблю тебя, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе чловѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотою Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ чловѣкъ въпрежнемъ своемъ состояніи, терзають нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведешь за собою тѣмъ непріятностей. — Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди, и будь счастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я

* Когда же?

опъ всего сердца желалъ ему щастія ; — но онъ уже нашелъ его!

Сильный шумъ прервалъ нишъ моихъ размышленій. Чшо это значишь? спросилъ я у проводника моего, оспановясь и слушая. « Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, опвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду. » — Хошя пупешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видишь каскады, безпрестанно орошаешся ихъ брызгами, и наконецъ смопришь на нихъ равнодушно; однакожь мнѣ очень хошѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Ошдаленный шумъ обѣщаль мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое спремилось къ причинѣ его; но шумъ вдругъ опкрылось мнѣ другое великолѣпіе, кошорое заспавило меня на время забышь *Рейхенбахъ*. [Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ шу же минушу изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, кошорая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣшущаго сада предспавилась глазамъ моимъ, между дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ими маленькіе деревянныя домики, соспавляющіе мѣстечко *Мейрингенъ* — рѣка *Ара*, спремящаяся вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крупныхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною текущихъ по бархашной муравѣ : все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное — нѣчто такое, чего я опъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить

Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — опъ всего сердца! — Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чшобы по-смошрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойши опяшь на высокой пригорокъ и спустишься съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлаженной водяною пылью, лешящею опъ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ опъ паденія облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однакожъ я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той яростію воды ископанной ямъ, въ кошорую *Рейхенбахъ* падаетъ съ вышины своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя дерева, имъ на пуши встрѣчаемыя. Трудно предсавишь себѣ ту ужасную бы-спрошу, съ кошорою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опяшь вверхъ подымается, будучи опвержена его вѣчнокипящею пучиною, и распротраняя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму! Тщепно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа!... Рейнъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляться будете вамъ всякой, имѣющей чувство; но кто можетъ изобразить или кистію или словами? — Я почти совсѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ греющимъ громомъ паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на ме-

ня, и припомъ съ такими порывами вихря (производимого въ воздухъ силою падающей воды), чпо, боясь смертельной проспуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минушъ удалиться отъ сего мѣста. Всякой, взглянувъ на меня, подумалъ бы, чпо я вышелъ изъ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось, и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе трехъ верстъ, и дорога была уже не такъ трудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека; но сіи три версты довели усталость мою до высочайшей степени, пошому чпо жаръ въ долинахъ бываетъ неносенъ. Лучи солнечные отпрыгивающъ отъ голыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, производяшъ духоту, весьма рѣдко въшперкомъ прохлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрингенъ состоишъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обишашели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каскадовъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергающъ въ долину съ такою яростію, чпо заливаютъ дома поселянъ,

сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣянiями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь Нашура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, изъ которыхъ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какъ горныя розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивитесь ли вы, если я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можешь быть въ цѣломъ свѣтъ нѣтъ другаго Мейрингена. Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеждою; на прим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажутся, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты. Здѣсь нашелъ я очень хорошій шракширъ.

Въ 11 часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долинѣ, въ рощицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подлѣ одного домика множество молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, которыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Мнѣ не трудно было узнать жениха съ невестою: самая прекраснѣйшая чета, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ непрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хотѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ

другими, но нѣжная шомность, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, ошличала ихъ ошъ прочихъ паспуховъ и паспушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку, и сказалъ ему: «ты щаспливъ, мой другъ!» Невѣсна взглянула на меня, и съ выразишельною благодарностію за мое привѣщевіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ паспушкахъ! какъ хорошо понимающъ онъ языкъ сердца! Паспухъ съ улыбкою посмошрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣпились. Тупъ спранная мысль пришла въ мою голову: мнѣ захошѣлось оставишь будущимъ супругамъ какой нибудь памятникъ, копорый бы, въ шеченіе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминашь имъ, что одинъ пушешесшвенникъ, изъ ошдаленнѣйшей спраны Сѣвера, былъ при ихъ стговорѣ и бралъ учасшіе въ радости невинныхъ сердець. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золошую, а мѣдную; но у меня не было ничего болѣе — медаль, на копорой изображена голова Греческаго юноши, и копорую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. «Возьми ее — сказалъ я невѣспѣ — въ знакъ моего доброжелательства.» Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. «Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно даряшь невѣспѣ, прошу тебя приняшь ошъ меня эшу бездѣлку, копорую предлагаю тебѣ ошъ добраго сердца.» — *А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ сшарикъ, сидѣвшій на бревнѣ. —

«Въ Россіи.» — *Въ Россіи!* . . . Да, я слыхалъ
объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да
гдѣ-бишь она? — Далеко, мой другъ — тамъ,
за горами, прямо къ Сѣверу.» — Точно я это
помню. — Между шѣмъ женихъ съ невѣсшою
перешепывались; послѣдняя взяла медаль,
сказала *спасибо!* и опдала первому, копорый
повершѣлъ ее въ рукахъ и опашь возвратилъ
ей. Я радовался щаспливою чешою, и въ
мысляхъ своихъ чишалъ Галлеровы стихи (изъ
его Поэмы: *Die Alpen*, ш. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und scheut kein Donner-Wetter.
Man liebet für sich selbst, und nicht für seine Vätter.
So bald ein junger Hirt die sanfte Glut empfunden,
Die leicht ein schmachkend Aug in muntern Geistern schürt,
So wird des Schäfers Mund von keiner Furcht gebunden;
Ein ungeheuchelt Wort bekennet, was ihn rührt;
Sie hört ihn, und, verdient sein Brand ihr Herz zum Lohne,
So sagt sie, was sie fühlt, und, thut, wornach sie strebt,
Denn zarte Regung dient den Schönen nicht zum Hohne,
Die aus der Anmuth fließt, und durch die Tugend lebt.

— — — — —
— — — — —

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler Pracht belästigt;
Er liebet sie, sie ihn, dies macht den Heyraths-Schluss,
Die Eh wird oft durch nichts, als beyder Treu befestigt,
Für Schwüre deint ein Ja, das Siegel ist ein Kuss.
Die holde Nachtigall grüsst sie von nahen Zweigen;
Die Wollust deckt ihr Bett auf sanft geschwollnes Mooss,
Zum Vorhang dient ein Baum, die Einsamkeit zum Zeugen;
Die Liebe führt die Braut in ihres Hirten Schooss.
O dreymahl seligs Paar! Euch muss ein Fürst beneiden *.

* «Здѣсь любовь пылаетъ свободно, никакой грозы не спра-
шася; здѣсь любящъ для себя, а не для ошцовъ своихъ. Ко-
гда молодой паспухъ почувспвуешь нѣжную спраснь, ко-

Между тѣмъ солнце сѣло, пасхухи и пасхушки начали расходиться по домамъ. Я проспался съ женихомъ, съ невѣстою — и естли бы Альпійскія красавицы были не такъ стыдливы, то, можетъ быть, пришло бы мнѣ на мысль потребовать отъ нее... невиннаго поцѣлуя!

=

ДЕРЕВНЯ ТРАХТЪ, НА БЕРЕГУ БРИНЦСКАГО ОЗЕРА,
ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Вотъ конецъ моего пѣшеходства! Ноги у меня очень болятъ, и лице мое отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло; впрочемъ я въ духѣ своемъ бодръ и веселъ.

Дорога отъ Мейрингена до Трахта идетъ

и юную прекрасную глазу легко воспаляютъ въ веселомъ сердцѣ, то уста его не шаятъ ее. Пасхушка внимаетъ ему, сказываетъ свои чувства, и слѣдуетъ движенію своей склонности, естли онъ достоинъ ея сердца; ибо сіе движеніе, раждаемое пріятностію и принимаемое добродѣтелию, не поспѣшно для красавицы. Суевѣстная пышность не тяготитъ страстныхъ желаній; онъ любитъ ее, она его любитъ — симъ заключается бракъ, который часто одною взаимною вѣрностію утверждается; согласіе служитъ вмѣсто клятвъ, поцѣлуй вмѣсто печати. Любезный соловей поздравляетъ ихъ съ ближнихъ въпѣвей; мягкая права есть брачное ложе ихъ, дерево запахъ, уединеніе свидѣтель, и любовь приводитъ невѣсту въ объятія молодаго пасхуха. Блаженная чета! Цари должны завидовать вамъ.»

Томъ III.

6

долиною, и хошя очень пріятна, однакожь не могу сказать объ ней ничего примѣчанія достойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди бо-рюшся; и когда одинъ другаго повалишь, зри-тели кричащъ : *браво* ! Между тѣмъ я сижу подъ окномъ, посматриваю на веселящихся и на небо, которое начинаетъ покрываться обла-ками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между тѣмъ пракширщица готовитъ мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ пойманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Унтерзеенъ, а отшуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводише время? Вѣрно не шакъ, какъ спрашивующій другъ вашъ, который на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ? — Будьте здоровы и благо-получны.

=

УНТЕРЗЕЕНЪ.

Сей часъ пришелъ я въ здѣшній пракширъ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахша, приспала къ берегу въ двухъ вер-сахъ отсюда. Сильный дождь промочилъ меня насквозь; однакожь, плывя по озеру, я съ удо-вольствіемъ смотрѣлъ на горы, которыя, бу-

дучи покрыты облаками, дымились какъ Эпны или Везувіи. Теперь , въ ожиданіи обѣда , сушусь и приготавливаюсь ояшь къ путешествію. Дождь все еще не пересшалъ.

=

Туиъ, въ 8 часовъ вечера.

Я благополучно доплылъ до Туна, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашею лодкою какъ шарикомъ. Три женщины , бывшія со мною, безпрестанно кричали; одна изъ нихъ упала въ обморокъ , и мы съ шрудомъ могли привести ее въ память. Что принадлежишь до меня, по я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, кошорыя разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь пересшалъ, и благодѣтельное солнце высушило мое плащье. Пріѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пяць хорошаго чаю, спалъ ояшь совершенно здоровъ. — Завтра въ чешыре часа отправлюсь въ Бернъ , гдѣ оспались мои жишки.

=

БЕРНЬ, 10 СЕНТЯБРЯ 1789.

Возвратясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернѣ семь дней и при томъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно: то прогуливался за городомъ — читалъ — писалъ. Третьяго дня водилъ меня Паспоръ Шшапферъ къ Господину Шпренгли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ пшицъ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онъ, по жизни своей, достоинъ примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасный, за городомъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка отправляетъ должность приворошника. Комнаты прибраны со вкусомъ, и все опмѣнно чисто. Сей старикъ богатъ — наслаждается Нашурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ онъ былъ бѣденъ, и разбогатѣлъ опъ наслѣдства, полученнаго имъ нечаянно послѣ одного дальняго свойственника. — Учася Орнитологіи въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ пшицъ, ашамировалъ ихъ и отдавалъ дѣлашь изъ нихъ чучелы: вошъ основаніе того полного собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не опдасъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ

рублей! — Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной жены*. Думаю, что вы читали или слышали о семъ памятникѣ, котораго исторія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знаменитый Бериской гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наля, и подрядилъ его сдѣлать мраморный монументъ отцу своему. Наль, занимаясь сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣдника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышный Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золошу, чтобы придашь памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, что золошо все испортишь; но его не слушали, и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сіе время умерла родомъ жена Лангансова, молодая прекрасная женщина, которую Наль любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неуспѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: искусство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ! Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: «Слезы наши текутъ, и въ прахъ исчезающъ; изящныя произведенія художествъ живутъ вѣки — рука моя, повинуюсь сердцу, избразитъ на камнѣ твою любезную; живи

«опдаленныхъ земель захопяшъ видѣшъ сіе
«изображеніе и въ сравненіе съ нимъ будущъ
«презирашъ Эрлахской памятникъ.» — Сказалъ,
и сдѣлалъ.

Онъ представилъ машь (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемъ. Камень гробный распался. Она поднимаетъ голову; одною рукою держишъ сына, а другою хочешъ опвалишъ камень, и между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ слушаешъ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія мысль прекрасна, и доказываетъ піишической духъ Художника; работа опвѣчаетъ ей. Галлеръ сочинилъ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говоришъ воскресающую): «Се
«трубный гласъ! онъ проникаешъ въ могилу.
«Пробудись, сынъ мой, и сложи съ себя тѣл-
«ность! Спиши во срѣщеніе твоему Искупи-
«телю, опъ Котораго бѣжитъ смерть и вре-
«мя! въ вѣчное благо превращаетъ все спра-
«даніе.» Надпись хороша; но для перваго мгновенія, въ кошоромъ представлена воскресающая, слишкомъ плодовиша. Лучше, естѣли бы она сказала только: *Трубный гласъ! . . . Пробудись, сынъ мой! се Спаситель!* — Нѣкоторые думаютъ, что Художникъ не искусственно представилъ распавшійся камень, а въ самомъ дѣлѣ разломилъ его, вырѣзавъ прежде на немъ надпись; но ревностные защитники искусства смѣются надъ сею мыслию. Повеише Галлеровой надписи вырѣзанъ стихъ изъ Св. Писанія: *Се азъ и чадо мое, еже далъ ми еси Ты.*

Жаль только, что сей прекрасный монументъ стоить очень дурно! Онъ скрытъ подъ поломъ, и чтобы видѣть его, то надобно поднятъ двѣ доски. Объ Эрлахскомъ пышномъ памятникѣ не скажу ни слова: Художникъ не хотѣлъ, чтобы объ немъ говорили. — Нынѣшній Гиндельбанкской Проповѣдникъ не могъ подружиться съ Налемъ; въ физиогноміи его не примѣшилъ я ничего пастырскаго. Какъ онъ училъ своихъ поселянъ, не знаю. — Въ Гиндельбанкѣ есть бѣдный пракширъ, въ которомъ я едва могъ утолить свой голодъ; опобѣдавъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Кажется, я еще не писалъ къ вамъ о здѣшнемъ славномъ Цейггаузѣ. Тамъ видите вы множество всякаго оружія и всѣхъ воинскихъ потребностей; но болѣе вниманія заслуживаютъ лапы древнихъ Берискихъ Героевъ, славныхъ храбростію и дѣлами своими. Самыя большія изъ нихъ принадлежали основателю Берна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чтобы онъ былъ Гигантъ — и еслили не хотѣлъ взявъ присупомъ неба, то по крайней мѣрѣ ужасъ былъ его предпечюю, когда онъ шелъ прошивъ непріятелей. Не знаю, любезные друзья мои, какой хладъ разливается по моимъ жиламъ при видѣ памятниковъ рыцарскаго времени, когда люди всего болѣе вѣрили рукъ своей и — Провидѣнію; когда число побѣдъ бывало числомъ достоинствъ человека, и когда въ храбрости вмѣщалось понятіе всѣхъ до-

бродѣтелей. — Писшолеты Карла Смѣлаго, Герцога Бургундскаго, украшенные серебромъ и слоновою костью, показались мнѣ также примѣчанія достойными; я смолѣлъ на нихъ нѣсколько минушъ и воображалъ руку, ихъ нѣкогда державшую.

Здѣсь нравы не такъ уже строги, какъ въ Цирихѣ. Женщины и мужчины сходяшся вмѣстѣ — обыкновенно послѣ обѣда, часа въ четыре — и первыя говоряшъ свободно, шушяшъ и бываюшъ душею общества. Нѣкоторыя дѣвицы играюшъ на клавесинѣ, поюшъ, и восхищаюшъ слушащелей. Знакомцы мои два раза водили меня въ сіи собранія, копорыя были довольно многочисленны. Но въ каршы здѣсь также не играюшъ. Съ иностранцами говоряшъ всегда по-Французски, и пришомъ гораздо лучше, нежели въ другихъ городахъ Швейцаріи; что же принадлежишъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ весьма испорченъ и неприятенъ слуху.

Бериской Аристокрашизмъ почиается самымъ спрочайшимъ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власшь въ Республикѣ; изъ нихъ составляется Большой Совѣшъ и Сенашъ (изъ копорыхъ первый имѣетъ законодательную, а послѣдній исполнительную власшь); изъ нихъ выбираюшся судьи, такъ называемые Ландфохшы или правители въ округахъ, на копорые раздѣленъ Бериской Каншонъ; всѣ прочіе жищели не имѣюшъ учащія въ правленіи. Число сихъ аристокраши-

ческихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ.

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подѣ вѣшными каштановыхъ деревъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану, и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Штапфера. Сей добрый Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился. Всякой день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запрешилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду изъ Берна, и не хочетъ прощаться со мною. Чувствительный человекъ!

Здѣсь расстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Прощайте, мои друзья! Пакетъ свой отнесу я на почту. Если бы вы съ такимъ удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Деревя вокругъ дороги гнулись подъ сочными, тяжелыми плодами, и злая осень являлась вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ Воскресный; нарядные поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнисное вино, съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Проехавъ городокъ Муршенъ, кучеръ мой остановился, и сказалъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей?* — «Гдѣ?» — *Здѣсь, на правой сторонѣ дороги.* — Я выскочилъ изъ кареты, и увидѣлъ за желѣзною решешкою огромную кучу — костей человѣческихъ.

Карлъ Дерзостный, Герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичъ человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жишелей Гельвеціи, и гордость независимыхъ смирилъ желѣзнымъ скипетромъ ширанства. Двинулось его воинство; разноцвѣтные знамена возвѣялись, и земля зашумала подъ тяжестью его огнестрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муршенскаго озера, и Карлъ, зависливымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ своими. Въ одинъ часъ *

* Посредствомъ сигналовъ.

разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые паслухи, оставивъ хижины и спада свои, вооружились мгновенно съкирами и копьями, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ успрѣмились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцары сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и ряды исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою. Самъ Герцогъ въ опчаяніи бросился въ озеро, и сильный конь вынесъ его на другой берегъ. Одинъ вѣрный служишель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карлъ, обративъ взоръ на поле сраженія, и видя гибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ испуленіи бѣшенства застрѣлилъ его изъ пистолета, сказавъ: *тебѣ ли одному оставаться?* — Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ, и положили ихъ близъ дороги, гдѣ лежатъ онѣ и понынѣ.

Я запрепешалъ, друзья мои, при семъ плачевномъ видѣ нашей плѣнности. Швейцары! не уже ли можете вы веселиться такимъ печальнымъ *трофеемъ*? Бургундцы по челоуѣчеству были вамъ братья. Ахъ! есѣли бы, омочивъ слезами сіи остатки придцати тысячъ несчастныхъ, вы съ благословеніемъ предали ихъ землѣ, и на мѣстѣ побѣды своей соорудили черный монументъ, вырѣзавъ на немъ сіи слова: *Здѣсь Швейцары сражались за*

свое отечество, побѣдили, но сожалѣли о побѣжденных — тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцѣ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ Швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени человека!

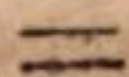
Множество надписей читалъ я на спѣнахъ, которыми обведенъ сей открытый гробъ. Вы знаете одну изъ нихъ, сочиненную Галлеромъ:

Steh still, Helvetier! hier liegt das kühne Heer,
Vor welchem Lüttich feil, und Frankreichs Thron erbehte.
Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht künstlichers Gewehr,
Die Eintracht schlug den Feind, die ihren Arm belebte.
Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in unsrer Treu.
O würde sie noch heut in jedem Leser neu! *.

Сверхъ того написаны шутъ тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ не обнаруживается склонность человека къ распространенію бытія своего, или слуха объ немъ? Для сего открываютъ новыя земли; для сего путешественникъ пишетъ имя свое на гробъ Бургундцевъ. Многіе, въ память того, что они посѣщали этотъ гробъ, берутъ изъ него кости: я не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру.

* «Остановись, сынъ Гельвеціи! здѣсь лежитъ дерзостное воинство, предъ которымъ палъ Липпихъ и прелепалъ престоль Франціи. Не число нашихъ предковъ, не искуснѣйшее оружіе, по согласію, оживлявшее руку ихъ, побѣдило врага. Познайте, братья, силу свою: она состоитъ въ нашей вѣрности — ахъ! да обновится и нынѣ вѣрность сія въ сердцахъ вашихъ.»

Далѣе за Муршеномъ представились мнѣ развалины Авеншикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящія въ остаткѣ колоннадъ, стѣнъ, водяныхъ трубъ, и проч. Гдѣ великолѣпнѣе его города, который былъ нѣкогда первымъ въ Гельвеціи? гдѣ его жители? Исчезающъ царства, города и народы — исчезнемъ и мы, любезные друзья мои!... Гдѣ будутъ стоять гробы наши? — Наспала ночь, возшла луна и освѣтила могилу шѣхъ, которые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

Лозана.

Я пріѣхалъ въ Лозану ночью. Городъ спалъ, и все молчало, кромѣ такъ называемаго ночнаго караульщика, который, ходя по улицамъ, кричалъ: *ударило часъ, граждане!* Мнѣ хотѣлось остановиться въ шракширѣ Золотога льва; но на спукъ мой отвѣчали такъ: *tout est plein, Monsieur! tout est plein!* (все занято, государь мой, все занято!) Я посмучался въ другомъ шракширѣ, à la Couronne; но и шамъ отвѣчали мнѣ: *tout est plein, Monsieur!* — Вообрази мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ присланища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ сжалился надо мною, и подошедши къ запер-

шымъ дверямъ шракшира, увѣрялъ сонливаго опвѣчашеля, что Monsieur est un voyageur de qualité (что пріѣхавшій господинъ не изъ проспыхъ путешественниковъ); но намъ шѣмъ же голосомъ опвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи Господину Путешественнику!* — C'est impertinent ça (это безстыдно!) сказалъ мой заспунникъ: «подите за мною въ шракширъ Оленя, гдѣ васъ вѣрно примушъ.» — Тамъ въ самомъ дѣлѣ меня приняли, и опвели мнѣ изрядную комнашу. Добродушный караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалъ мнѣ пріятнаго сна, опказался опъ двадцати копѣекъ, предложенныхъ ему опъ меня, — пошелъ и закричалъ: *ударило часъ, любезные граждане!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого-то числа, въ Лозанъ, нашелъ добраго челоутка, который безкорыстно услуживаетъ ближнимъ.*

На другой день поушру исходилъ я весь городъ, и могу сказать, что онъ очень не хорошъ; лежишъ опчаспи въ ямѣ, опчаспи на косогорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускашся съ горы или всходишъ на гору. Улицы узки, не чисты и худо вымощены. Но на всякомъ возвышенномъ мѣстѣ опкрывающся живописные виды. Чистое обширное Женевское озеро; цѣпь Савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющихся, и разстѣянныя по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Ніонъ — составляютъ прелестную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба велишъ вамъ

быть въ Лозанѣ , то взойдите на террасу кафедральной церкви , и вспомните , что нѣсколько часовъ моей жизни пропекло шуть въ удовольствіи и тихой радости ! Если бы теперь спросили меня: чѣмъ не лзя никогда насыпшсья? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ ! и при всемъ томъ смотрю на новыя съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ Г. Леваду (Нашуралисту и Авшору разныхъ піесъ , напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень понравились; въ послѣднемъ встрѣчающіяся глазамъ Латинскія , Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэтовъ. Между прочими нашелъ я строфу изъ Аддиссоновой Оды, въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятныя имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго , любезнаго друга! Щастливъ Г. Левадъ , если въ Аддиссоновыхъ стихахъ находитъ онъ собственныя свои чувства! — Сія Ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея !

восходящее солнце освѣтило меня первыми лу-

чами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ Café littéraire, гдѣ можно читать Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать этотъ кофейный домъ, пока буду въ Лозанѣ. Теперь же, къ несчастію, не лѣзя прогуливаться; почти съ самаго утра идетъ пресильный дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичанами, которые прѣзжаютъ сюда учиться по-Французски и — дѣлають разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чтобы успѣвать въ наукахъ, успѣваютъ въ шалостяхъ. По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣтовалъ посылать дѣтей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь: чему доказательствомъ служишь и то, что самые Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѣздяшь въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ способы ученія не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Платнеръ, кого Гейне не заставишь полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности. — Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ Пансіонахъ, платя за то шесть или семь ливдоровъ въ мѣсяцъ: что

составишь на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ соотечественникъ, Графъ Григорій Кириловичъ Разумовскій, ученый Нашуралистъ. По любви къ наукамъ отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный родъ его давалъ ему право — удалился въ такую землю, гдѣ Нашура споль великолѣпна, и гдѣ склонность его находишь для себя болѣе пещи — живешь въ тишинѣ, трудился надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаешь честь своему отечеству. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языкѣ. — За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозану.

=

Сію минушу пришелъ я изъ кафедральной церкви. Тамъ изъ чернаго мрамора сооруженъ памятникъ Княгини Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ обѣщаніяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна! . . . Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей.

Она любила Нашуру и Поэзію; Нашура и Музы Британніи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, образовали духъ и сердце ея.

=

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ — и съ Руссовою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ коихъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, коихъ на обѣихъ сторонахъ была границею моего зрѣнія. Но гдѣ только стѣна перерывается, тамъ видны съ лѣвой стороны разнообразныя уступы и возвышенія горы Юры, на коихъ представляющіяся глазамъ или прекраснѣйшіе виноградные сады, или маленькіе домики, или башни съ развалинами древнихъ замковъ; а на правой зеленые луга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными скалами Савойскаго берега. — Въ девять часовъ былъ я уже въ Вевъ (до коихъ отъ Лозаны четыре Франц. мили), и остановясь подъ тѣнію каштановыхъ деревъ гульбища, смотрѣлъ на каменные утесы Мельери, съ ко-

торыхъ опчаянный Сень-Прё хошълъ низверг-
нушья въ озеро , и опкуда писалъ онъ къ
Юліи слѣдующія спроки :

«Въ ужасныхъ испушленіяхъ и въ волненіи
«души моей не могу я бышь на одномъ мѣспѣ;
«брожу , съ усиліемъ взбираюсь на высошы,
«успремляюсь на вершины скалъ; скорыми
«шагами обхожу всѣ окреспности, и вижу во
«всѣхъ предмешахъ тошъ самый ужасъ, кошо-
«рый царспвусшъ въ моей внушпенности. Ни-
«гдѣ уже нѣшъ зелени; права поблекла и по-
«желшѣла, дерева спояшъ безъ лисшѣвъ, хо-
«лодный вѣшеръ надуваешъ сугробы, и вся
«Нашура мершва въ глазахъ моихъ, какъ мер-
«шва надежда въ моемъ сердцѣ. — Между ска-
«лами сего берега нашелъ я, въ уединенномъ
«убѣжищѣ, маленькую равнину, опкуда видѣнъ
«щасшливый городъ, въ кошоромъ ты обиша-
«ешъ. Вообрази, съ какою жадностію успре-
«мился взоръ мой къ сему любезному мѣспу!
«Въ первый день я всячески спарался найши
«глазами домъ швой, но опъ чрезмѣрной оп-
«даленности всѣ мои усилія осшавались шщеш-
«ными; и я, примѣшивъ, что воображеніе об-
«манываешъ глаза мои, пошелъ къ Священни-
«ку и взялъ у него телескопъ, посредспвомъ
«кошораго увидѣлъ жилище швое. . . .

«Съ шого времени цѣлые дни провожу въ
«семъ убѣжищѣ, и смощрю на блаженные спѣ-
«ны, заключающія въ себѣ источникъ жизни
«моей. Не взирая на дурную погоду, прихожу
«шуда пошпру, и возвращаюсь опшуда ночью.

«Листья, сухія вѣтви, мною зажигаемыя, и
«безпрестанное движеніе охраняющъ меня
«отъ чрезвычайнаго холода. Сіе дикое мѣсто
«мнѣ такъ полюбилось, что я приношу сюда
«бумагу съ чернилицею, и теперь пишу тамъ
«письмо, на камнѣ, опвалившемся отъ близ-
«ней скалы.»

Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его *Элоизу*! Хотя въ семъ романѣ много неестественнаго, много увеличеннаго — однимъ словомъ, много романческаго — однакожь на Французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими она въ *Элоизѣ* описана — въ *Элоизѣ*, безъ которой не существовалъ бы и Нѣмецкой *Вертеръ* *. — Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Руссовой душѣ; всѣ описанія его такъ живы, и при томъ такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и ту равнину (*esplanade*), которая была столь привлекательна для несчастнаго Сен - Прё. Ахъ, друзья мои! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для чего Руссо не великъ искалъ здѣсь слѣдовъ ея! Жестокой! ты описалъ намъ такое прекрасное существо, и послѣ говоришь: *его нѣтъ*! Вы помните это мѣсто въ

* Основаніе романа то же, и многія положенія (*situations*) въ *Вертерѣ* взяты изъ *Элоизы*; но въ немъ болѣе Напурь.

его Confessions: «Я скажу всѣмъ имѣющимъ
«вкусъ, всѣмъ чувствительнымъ: побѣждайте
«въ Веве, осматривайте его окрестности, гуляйте
«по озеру — и вы согласитесь, что сіи
«прекрасныя мѣста достойны Юліи, Клеры и
«Сень-Прё; но не ищите ихъ тамъ.» — Коксъ,
извѣстный Англійскій Путешественникъ, пи-
шетъ, что Руссо сочинялъ Элоизу, живучи въ
деревнѣ Мельери; но это несправедливо. Го-
сподинъ де Л*, о которомъ вы слыхали, зналъ
Руссо и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей
романъ въ то время, когда жилъ въ Эрмита-
жѣ, въ шрехъ или чепырехъ миляхъ отъ Па-
рижа *.

* Тогда я не читалъ еще продолженія Руссовыхъ *Признаній*
или *Confessions*, которое вышло въ свѣтъ въ бытность
мою въ Женевѣ, и въ которомъ описано происхожденіе всѣхъ
его сочиненій по порядку. Я приведу здѣсь мѣста, касающіяся
до Элоизы. Руссо, прославясь въ Парижѣ своею Оперою
Devin du Village и другими сочиненіями, прѣхалъ въ
Женеву, и былъ принятъ тамъ очень ласково; всѣ увѣ-
ряли его въ своей любви, въ почтеніи къ его дарованіямъ,
и чувствительный, распротанный Руссо общалъ своимъ
согражданамъ навсегда къ нимъ переселившись, и только на
короткое время съѣздить въ Парижъ, чтобы учредить тамъ
дѣла свои. «Послѣ того (говоритъ онъ) я оснанилъ всѣ важ-
ныя упражненія, чтобы веселиться съ друзьями до моего
отъѣзда. Всего болѣе полюбила я тогда прогулка съ
«семействомъ добраго Делюка. Въ самое прекрасное время
«наняли мы лодку, и въ семь дней объѣхали кругомъ Же-
невскаго озера. Мѣста на другомъ концѣ его впечатлѣлись
«въ моей памяти, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я
«описалъ ихъ въ Новой Элоизѣ.» — Господинъ де Л* сказалъ
мнѣ правду: Руссо сочинялъ свою Элоизу въ то время, ко-
гда жилъ въ Эрмитажѣ подлѣ Парижа. Вотъ что гово-

Ошдохнувъ въ шракширъ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чшобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кларанъ*. Высокія густыя деревья скрываютъ его отъ неперпѣливыхъ взоровъ. Подошелъ, и увидѣлъ — бѣдную маленькую деревеньку, лежащую у подошвы горъ, покрытыхъ елями. вмѣсто жилища Юліи, столь прекрасно описаннаго, представился мнѣ старый замокъ съ башнями; суровая наружность его показываешь суровость шѣхъ временъ, въ кошорыя онъ построень. Многіе изъ тамошнихъ жителей знаютъ Новую Элоизу, и весьма довольны шѣмъ, что великой Руссо прославилъ ихъ ро-

ришь онъ о происхожденіи своего романа: «Я представлялъ «себѣ любовь и дружбу (двухъ идоловъ моего сердца) въ «самыхъ восхищительнѣйшихъ образахъ; украсилъ ихъ всѣми «прелестями нѣжнаго пола, всегда мною любимаго; вообра- «жалъ себѣ сихъ друзей не мушкетерами, а женщинами (еслии «такой примѣръ и рѣже, но по крайней мѣрѣ онъ еще лю- «безнѣе). Я далъ имъ два характера сходные, но не одинакіе; «два образа, не совершенные, но по моему вкусу; доброта и «чувствительность одушевляли ихъ. Одна была черново- «лобая, другая блондинка; одна разсудительна, другая слаба, «но въ самой слабости своей любезная и добродѣтельная. «Одна изъ нихъ имѣла любовника, кошорому другая была «нѣжнымъ другомъ, и еще болѣе, нежели другомъ; но шоль- «ко безъ всякаго совмѣстничества, безъ ревности и ссоры: «ибо душѣ моей шрудно воображать противныя чувства, «и припомъ мнѣ не хотѣлось помрачить сей картины ни- «чѣмъ, унижающимъ Нашуру. Будучи восхищенъ сими двумя «прекрасными образцами, я всячески сближалъ себя съ лю- «бовникомъ и другомъ; однакожь представилъ его молодымъ «и прекраснымъ, давъ ему мои добродѣтели и пороки. Чшо- «бы поселить моихъ любовниковъ въ присшій для нихъ

дину, сдѣлавъ ее сценою своего романа. Работавшій поселянинъ, видя тамъ любопытнаго пришельца, говоритъ ему съ усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ Новую Элоизу?* Одинъ спарикъ показывалъ мнѣ и шопъ лѣсокъ, въ кошоромъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первый разъ спраспинаго Сень-Прё, и магическимъ прикосновеніемъ потрясла въ немъ всю нервную систему его. — За деревенскою волны озера омываютъ стѣны укрѣпленнаго замка Шильйона; унылый шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежатъ Вильнёвъ, маленькой городокъ;

«справъ, я проходилъ въ памяти своей всѣ лучшія мѣста, «видѣнныя мною въ путешествіяхъ; но не могъ найсти ни одного совершенно хорошаго. Долины Фессалійскія могли бы «меня удовольствовать, если бы и видѣлъ ихъ; но воображеніе мое, упомянутое выдумками, хотѣло какого нибудь «существоващаго мѣста, которое могло бы служить ему «основаніемъ. Наконецъ я выбралъ берегъ того озера, во- «кругъ котораго сердце мое не переставало посылаться — и проч. Съ неописаннымъ удовольствіемъ читалъ я въ Жене- «невъ сіи *Confessions*, въ которыхъ такъ живо изображается душа и сердце Руссо. Нѣсколько времени послѣ того воображеніе мое только имъ занималось, и даже во снѣ. Духъ его парилъ надо мною. — Одинъ молодой знакомый мнѣ живописецъ, прочитавъ *Confessions*, такъ полюбилъ Руссо, что нѣсколько разъ принимался писать его въ разныхъ положеніяхъ, хотя (сколько мнѣ извѣстно) не кончилъ ни одной изъ сихъ картинъ. Я помню, что онъ между прочимъ изобразилъ его цѣлующаго фланелевую юбку, присланную ему на жилетъ отъ Госпожи Дение. Молодому живописцу казалось это очень проташельнымъ. Люди имѣютъ разные глаза и разные чувства!

но я посмотрѣлъ на него издали, и возвратился въ Веве.

О семъ городѣ скажу вамъ, что положеніе его — на берегу прекраснѣйшаго въ свѣтѣ озера, проливъ дикихъ Савойскихъ ущесовъ, и подлѣ горъ плодоносныхъ — очень пріятно. Онъ несравненно лучше Лозаны; улицы ровны; есть хорошіе дома и прекрасная площадь. Здѣсь живутъ почти всѣ дворяне Французской Швейцаріи, или Pays-de-Vaud; за всѣмъ тѣмъ Веве не кажется многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшній пракширъ вмѣстѣ со мною вошли чепыре челоуѣка въ дорожныхъ плащяхъ, и вмѣстѣ со мною попребовали обѣда. Въ нѣсколько минушъ мы познакомились, и я узналъ, что трое изъ нихъ Веспфальскіе Бароны, а четвертый Польскій Князь. Послѣдній возвращается изъ Франціи въ свое отечество, и заѣхалъ въ Швейцарію для того, чтобы взглянушъ на Мельери и Кларанъ. Бароны по довѣренности сказали мнѣ (когда Полякъ вышелъ изъ комнаты), что они весьма недовольны его товарищесствомъ; что онъ навязался на нихъ въ городкѣ Моржѣ, и съ того времени не даетъ покою ушамъ ихъ, безпрестанно бранясь или съ кучеромъ, или съ гребцами, или съ пракширщиками; и что онъ, по ихъ примѣчанію, есть великой лжець. Скоро я имѣлъ случай увѣришся въ справедливости сказаннаго ими. Лишь только мы сѣли за столъ, Польскій Князь началъ бранишъ хозяина за кушанье; все было для него дурно, всего ма-

ло. Тракширщикъ напомнилъ ему, что онъ не въ Варшавѣ; но Полякъ не унялся до послѣдняго блюда. Попомъ вздумалъ онъ разсказывать мнѣ о Баспильскомъ штурмѣ, на которомъ будто бы проспрѣлили ему шляпу и кафшанъ. Я не могъ его долго слушать, чувствуя нужду въ отдохновеніи, и ушелъ въ опивденную мнѣ комнашу.

Всякой, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, Романа, взойдетъ конечно на террасу здѣшней церкви, чтобы, сидя между гробами, подъ мрачною тѣнію столѣтнихъ деревъ, проводить глазами заходящее солнце, наслаждаться тишиною вечернею, и видѣть сгущеніе ночныхъ тѣней на романической картинѣ Вевейскихъ окрестностей. Я былъ тамъ, и погружаясь въ самого себя, не чувствовалъ, какъ черная, величественная ночь окинула покровомъ своимъ и небо и землю. — Проспише.

=

Лозана.

Вчера возвратился я изъ Веве, и насилу дошелъ до Лозаны, будучи измученъ зноемъ и жаромъ.

Опѣ сильнаго волненія въ крови провелъ я ночь безпокойно, и видѣлъ сны, изъ копорыхъ одинъ показался мнѣ достойнымъ замѣчанія.

Мнѣ привидѣлось, что я въ большой залъ спою на кафедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь о темпераментахъ. Проснувшись, схватилъ я перо и написалъ, что оспалось у меня въ памяти: изъ чего, къ моему удивленію, вышло нѣчто порядочное. Судите сами — вотъ сей ошпывокъ:

«Темпераментъ есть основаніе нравственнаго
«существа нашего, а характеръ случайная
«форма его. Мы родимся съ темпераментомъ,
«но безъ характера, который образуется мало
«по малу отъ вѣшнихъ впечатлѣній. Характеръ
«зависитъ конечно отъ темперамента, но
«только отчасти, завися впрочемъ отъ рода
«дѣйствующихъ на насъ предметовъ. Особли-
«вая способность принимать впечатлѣнія есть
«темпераментъ; форма, которую даютъ сіи
«впечатлѣнія нравственному существу, есть
«характеръ. — Одинъ предметъ производитъ
«разныя дѣйствія въ людяхъ — отъ чего?
«отъ разности темпераментовъ, или отъ
«разнаго свойства нравственной массы, ко-
«рая есть младенецъ.»

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не убавилъ, а написалъ слова точно такъ, какъ сновидѣніе впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяснитъ связь идей, во снѣ намъ представляющихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не думалъ наяву о темпераментахъ и характерахъ: отъ чего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада съ двумя

Французскими Маркизами, прїѣхавшими изъ Парижа. Они сообщили мнѣ весьма худое понятіе о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкошерыя изъ нихъ, видя нагой шрупъ несчастнаго дю-Фулона, терзаемый на улицѣ бѣшенымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Маркизы рассказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня сердце поворошилось.

=

Лозанскія общества описываются отъ Бернскихъ во первыхъ шѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ каршы, а во вторыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажется, что здѣшніе жишели переняли не только языкъ, но и самые нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, то есть, удержавъ въ себѣ нѣкошорую жесткость и холодность, свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня прошивно. Цѣлостъ, оригинальность! вы во всемъ драгоцѣнны; вы занимаете, пишаете мою душу — всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слышалъ нынѣ проповѣдь въ кафедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ; въ шѣлодвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе состояло въ высокопарномъ пустословіи, а

комплиментъ начальникамъ и всему красному городу Лозанъ былъ заключеніемъ. Я посматривалъ то на проповѣдника, то на слуша-телей; вообразилъ себѣ нашего П., Знам. Священника, Лафашера — пожалъ плечами, и вышелъ вонъ. Ксшапи или не ксшапи скажу вамъ, чпо изъ всѣхъ церковныхъ Рипоровъ, которыхъ мнѣ удалось чишати или слышати, нравишся мнѣ болѣе — Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont-Venon, нашелъ я нынѣ ввечеру множесиво людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцары, Французы, Англичане, Нѣмцы, Италіянцы, толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ, и дождался захожденія солнца, которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на споронѣ Савоіи дичь, пустошу, бѣднось, а на берегу Лозанскомъ плодоносные сады, изобиліе и богапсиво; мнѣ казалось, чпо въ вѣшеркѣ, несущемся съ прошивоположнаго берега, слышу я вздохи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ.

=

ЖЕНЕВА, Октября 2, 1789.

Вдругъ при письма опъ васъ, милые! Ешъ-ли бы вы видѣли, какъ я обрадовался! По крайней мѣрѣ вы живы и здоровы! Благодарю Судьбу! Ешъли щаспіе ваше несовершенно;

есшлы — — * Друзья мои! болѣе ничего не скажу; но я хотѣлъ бы отдать вамъ всѣ свои пріятныя минушны, чшобы сдѣлать жизнь вашу цѣпю минушъ, часовъ и дней пріятныхъ. Когда нибудь — мы будемъ щасливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Опшъ Лозаны до Женевы ѣхалъ я по берегу озера, между виноградныхъ садовъ и полей, которыя впрочемъ не такъ хорошо обрабшаны, какъ въ Нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне въ Pays-de-Vaud гораздо бѣднѣе, нежели въ Бернскомъ и Цирихскомъ Кантонахъ. — Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбілся мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекрасны, городъ хорошъ. По рекомендацельнымъ письмамъ ошворенъ мнѣ входъ въ первые дома. Образъ жизни Женевцовъ свободенъ и пріятенъ — чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя упоми- лась опшъ множества любопытныхъ и безпре- станно новыхъ предметовъ, которыя привле- кали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно отдохно- веніе — нуженъ тонкой, сладостный, пита- шельный сонъ на персяхъ лсбезной Природы.

Тракширная жизнь моя кончилась. За десять рублей въ мѣсяць я нанялъ себѣ большую,

* Здѣсь выпущено нѣсколько спрокъ, писанныхъ не для Пуб- лики.

свѣтлую, изрядно прибранную комнату въ домѣ; завелъ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, плаща за сто рубли чепыре въ недѣлю. Вы не можете вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ теперь новый образъ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство! Вставъ рано поутру, и надѣвъ свой походный сюршукъ, выхожу изъ города, гуляю по берегу гладкаго озера или шумящей Роны, между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, въ кошорыхъ богашые Женевскіе граждане проводятъ лѣто; ошдыхаю и пью чай въ какомъ нибудь шпакширѣ, или во Франціи, или въ Швейцаріи, или въ Савоіи (вы знаете, что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — еще гуляю, возвращаюсь домой, пью съ густыми сливками кофе, кошорый варишь мнѣ хозяйка моя, Мадамъ Лажье — чишаю книгу или пишу, — въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ, гдѣ всегда множество людей и гдѣ рассказываются вѣщи; гдѣ разсуждаютъ о Французскихъ дѣлахъ, о декретахъ Національнаго Собранія, о Неккерѣ, о Графѣ Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ театръ, или въ собраніе — и такимъ образомъ кончился вечеръ.

Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечеръ *пить чай*. Въ шесть часовъ сходятся, пьютъ кофе, чай и ѣдятъ бисквиты; садятся играть въ карты, по большой части въ Висшъ, и проигрываютъ или выиг-

грывають рубли два, при; въ десятомъ часу всѣ расходяшся, кромѣ прехъ или чешырехъ коропкихъ хозяину пріятелей, которые оспашаються у него ужинашъ. На сихъ *вечеринкахъ* собирается человекъ по шестидесяти; шущъ видите вы знашныхъ Французовъ, оставившихъ свое опечесство—Нѣмецкихъ Принцовъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцовъ. Обѣдашъ или ужинашъ зовущъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Синдиговъ здѣшней Республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородный домъ свой. Сполъ былъ очень хорошъ. Тущъ познакомился я съ Гишпанцомъ, копорый десяшъ лѣшъ жилъ въ Петербургѣ, опправляя должностъ Совѣтника при Гишпанскомъ Посольствѣ, и копорый, по нѣкошорымъ обшояшельствамъ, долженъ былъ оспавишъ свое опечесство; зиму проводишъ онъ въ Ліонѣ, а лѣшо въ Швейцаріи. — Баронъ де Лю, Лафашеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, копорые учащя здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; менѣшой гораздо живѣе и оспроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго прона. Вы слышались о Баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомиравъ, что имѣю честъ сидѣшъ подлѣ его будущаго повелишеля, копорый можешъ безъ всякаго суда — опъ чего Боже сохрани! — сняшъ съ него шляпу. . . и голову. — Вчера позвалъ меня ужинашъ Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девашъ часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще не го-

шовъ былъ принимашъ гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и начали собираться госпи. Между прочими былъ шупъ одинъ глухой Баронъ, надъ кошорымъ Женевскія Дамы весьма забавлялись. Онъ загадывали ему загадки: Баронъ брался всѣ отгадывать, но къ несчастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: для чего Генрихъ IV, врагъ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры? Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: *pour piquer son cheval* (чтобы шпорить свою лошадь). О! я это думалъ! закричалъ Баронъ: *c'est tout clair!* ничто не можетъ быть яснѣе! — Еще: что находится *au milieu de Paris* (въ серединѣ Парижа)? Баронъ, кошорый недавно пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: городъ — люди — камни — грязь. Надъ каждымъ отвѣтомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что *au milieu de Paris* находится г. Я только лишь хотѣлъ это сказать! закричалъ Баронъ, и всѣ захохотали. Хозяйка, кошорая почищается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, спрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: хороши ли онѣ? Отвѣтъ: прекрасны. Вопросъ: умны ли онѣ? Отвѣтъ: безпримѣрно. Вопросъ: сочиняютъ ли онѣ стихи? Отвѣтъ: неподобные. Вопросъ: какого роду? Отвѣтъ: молитвы. — *Vous badinez, Monsieur! Вы шутите!* — «Извините, сударыня; я говорю почную правду.» — Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ? — Нѣтъ,

сударыня ; онѣ моляшся о томъ , чтобы не грѣшишь. » — *А! это другое дѣло!* — Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку, и мы пошли ужинать.

=

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чувствовалъ я въ душѣ своей великую тягостъ и скуку: каждая мысль, копорая приходила ко мнѣ въ голову, давила мозгъ мой; мнѣ не ловко было ни спать, ни ходить. Я пошелъ въ Баспионъ, здѣшнее гульбище — легъ на углу вала, и далъ глазамъ своимъ волю перебѣгать ошъ предмета къ предмету. Мало помалу голова моя облегчалась вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. Вечеръ былъ самый теплый и пріятный. На обѣихъ сторонахъ предспавились мнѣ горы, окруженныя облаками, копорыя носились выше и ниже ихъ вершинъ: видъ величественный и грозный! Прямо передо мною простиралась большая равнина, устѣянная рощицами, деревеньками и уединенными домиками. Все было тихо. Ошъ времени до времени — по большой дорогѣ, идущей вдоль равнины — мчались въ коляскахъ молодые Англичане, копорые, боясь слѣдствія скоплавшихся облаковъ, погоняли кургузыхъ коней своихъ, чтобы скорѣе возвратишься въ городъ. Вѣтерокъ какъ пшичка прилепѣлъ ошъ Юры и шепталъ мнѣ на ухо — не знаю,

что. Тутъ вдругъ ударили въ барабанъ. Боясь, чтобы меня не заперли въ Баспіонъ, я вскочилъ и вышелъ ошпуда; но не желая разсѣяться съ вечеромъ, пошелъ на *Трель*, другое гульбище подлѣ Рапуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ орѣховыми деревьями, гдѣ представились мнѣ шѣ же виды, копорыми веселился я въ Баспіонъ. Темноша сгущалась; въшерь усиливался, и шумѣлъ ужасно между деревьями; облака неслись быспро, нашекли на городъ, и пошелъ дождь. Обращивъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, копорые въ шемношѣ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣшельныхъ Фей — и всѣ сказки, копорыя восплаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячеспвѣ маленькимъ Донъ-Кишотомъ, оживились въ моей памяти. Между прочими погдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ копорый, ощутивъ вдохновеніе божеспвенныхъ Фей, украдся я опъ своего, впрочемъ весьма бдишельнаго дядьки, забрался въ шу горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрышыя почтенною ржавчиною — схватилъ саблю, кошорая пришла мнѣ по рукѣ, и зашкнувъ ее за кушакъ шулупа своего, отправился на гумно * искашь приключеній и прошивишься силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувспвуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе спраха, махнулъ саблею нѣ-

* Я жилъ тогда въ деревнѣ.

сколько разъ по черному воздуху, и благополучно
возвратился въ свою комнату, думая, что
подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣша мла-
денческаго! кто помышляетъ объ васъ безъ
удовольствія? И чѣмъ спарше мы станемъ,
шѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

Кто будучи въ Женевской Республикѣ, не
почтенъ за пріятную должность бытъ въ
Ферней, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей
нашего вѣка?

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ моло-
дымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольперовъ замокъ
построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣко-
торомъ разстояніи отъ деревни Ферней, от-
куда идешь къ нему прекрасная аллея. Передъ
домомъ, на лѣвой сторонѣ, увидѣли мы малень-
кую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу*.

«Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ
«почитателей Божества (говорилъ Лагарпъ
«въ похвальномъ Словѣ Фернейскому мудрецу).
«*Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer* (естьли
«*бы не существовалъ Богъ, то надлежало бы Его*
«*выдумать*) — сей прекрасный стихъ написанъ
«имъ въ спароси, и показываетъ его Фило-
«софію.»

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу,
не хотѣлъ-было вести насъ въ домъ, говоря,

что господинъ его, которому извѣстная на-
слѣдница Вольперова продала сей замокъ, не
велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили
его въ нашей благодарности, и въ минушу
отворилась намъ дверь во свящилище, въ шѣ
комнаты, гдѣ жилъ Вольперъ, и гдѣ все оста-
лось такъ, какъ при немъ было. Комнатные
приборы хороши и довольно богаты. Въ шой
горницѣ, гдѣ спойлъ Вольперова кровать,
было погребено его сердце, которое Госпожа
Денисъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался
одинъ черный монументъ, съ надписью: *son
esprit est partout, et son coeur est ici* (*духъ его
вездѣ, сердце его здѣсь*), а выше: *mes manes sont
consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous*
(*тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ*).
На стѣнахъ висятъ портреты: первый нашей
Императрицы (шитый на шелковой матеріи,
съ надписью: *présenté à Mr. Voltaire par l'Au-
teur*, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ
большимъ примѣчаніемъ и съ большимъ удо-
вольствіемъ, нежели на другіе); второй покой-
наго Прусскаго Короля; третій Лекеня, сла-
внаго Парижскаго Актера; четвертый самого
Вольпера, и (пятый) Маркизы де Шамле, ко-
торая была ему другомъ, и болѣе нежели дру-
гомъ. Между гравированными изображеніями
замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мар-
моншеля, д'Аламберта, Франклина, Гельвеція,
Клименша XIV, Дидроша и Делия. Прочіе
эстампы и каршины не важны. — Спальня
Вольперова служила ему и кабинетомъ, изъ

котораго онъ научалъ , прогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авшоровъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ , какъ Вольперъ. Къ чести его можно сказать , что онъ распространилъ сію взаимную терпимостъ въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ , и наиболее посрамилъ гнусное лжевѣріе , которому еще въ началъ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ * . — Вольперъ писалъ для чашапелей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его , и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ , и никакая Философія не могла устоять противъ Вольперовой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣясь ! — Вообще въ сочиненіяхъ Вольперовыхъ не найдемъ мы нѣхъ великихъ идей, которыя Геній Нашуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ ; но сіи идеи и понятны бывающъ только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякой любитъся пареніемъ весенняго жаворонка ; но чей взоръ

* Но я не могу одобрить Вольпера, когда онъ опъ суевѣрія не опличалъ истинной Хрисціанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соопечесивенниковъ , находилъ къ первому въ такомъ же опношеніи, въ какомъ находилъ правосудіе къ ябедѣ.

дерзнешъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красотъ *Заиры*? но многіе ли удивляющіяся *Отеллу* * ?

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольшеру. Онъ могъ бы изъ оконъ своихъ видѣть *Бѣлую Савойскую гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ, и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажешся, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистый прудъ служишь зеркаломъ для высокихъ деревъ, осыняющихъ берега его.

Имя Вольшерово твердять всѣ жиители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтвями каштановаго дерева, прочишалъ я съ чувствомъ сіе мѣсто въ Лагарповомъ похвальномъ Словѣ:

«Подданные, лишенные отца и господина
«своего, и дѣши ихъ, наследники его благодѣ-
«ній, скажутъ страннику, кошорый уклониш-
«ся отъ пути своего, чтобы видѣть Ферней:
«Вотъ дома, имъ построенные — убѣжище,
«которое далъ онъ полезнымъ искусствамъ ** —
«поля, которыя обогатилъ онъ плодами. Сіе

* Тогда я такъ думалъ!

** Известно, что Вольшеръ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ художниковъ, кошорые принуждены были оставить Женеву.

«многолюдное и цвѣтущее селеніе родилось подѣ
«его смотрѣніемъ, родилось среди пустыни. Вотъ
«рощи, дороги и тропинки, гдѣ мы столь часто
«его видали. Здѣсь горестное Каласово семей-
«ство окружило своего покровителя; здѣсь сіи
«нещастные обнимали колѣна его. Сіе дерево
«посвящено благодарностію, и стѣкира никогда не
«отдѣлитъ его отъ корня. Онъ сидѣлъ подѣ его
«тѣнію, когда разоренные поселяне пришли тре-
«бовать его помощи; тутъ проливалъ онъ слезы
«сожалѣнія, и скорбь бѣдныхъ превратилъ въ
«радость. Въ семь мѣстъ видѣли мы его въ
«последній разъ — — и внимающій спранныкъ,
«копорый при чшеніи Заиры не могъ удержать
«слезъ своихъ, прольешь, можешь бышь,
«еще пріятнѣйшія въ память благошворише-
«ля.»

Мы обѣдали въ Фернейскомъ пракширѣ съ
двумя молодыми Англичанами, и пили очень
хорошее Французское вино, желая блаженства
душъ Вольперовой.

Отъ Женевы до Фернея не болѣе шести
верстъ, и я въ семь часовъ вечера былъ уже
дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ ввели
меня въ свои такъ называемые Серкли, копо-
рыхъ здѣсь очень много, и въ копорыхъ Же-
невцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ ша-
бакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ
же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣ-
шніе богачи повѣрили Франціи милліоны, и до
сего времени получали съ нихъ большіе про-

ценны; но теперь бояшся, чтобы Французы не сказались банкротами: опъ чего могутъ разориться въ Женевѣ первые дома. Но тебя, бѣдный Стверъ, тебя не удостоиваешь Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Визирь два раза разбишь, Бѣлградъ взяшь — никто объ этомъ не говоришь, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучатъ рюмки и спаканы, когда Слава пропрудитъ щастливый подвигъ сыновъ твоихъ; Рейнвейнъ и вино Токайское пѣнятся въ купкахъ; раздаются торжественныя пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я ославилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самый веселый; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ стола одни кашались въ лодкѣ по озеру, другіе играли въ шары, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои трубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семь пуши ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись; наступилъ на змѣю, и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей, и подымала вверхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалишь меня. . . . Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде

нежели она могла влисть въ нее ядъ свой. Злобная тварь! думалъ я, смопря, какъ она ползла опъ меня по желтому песку: злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но еслии Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего — пресмыкайся!

Не помню, писалъ ли я къ вамъ, чшобы вы адресовали письма свои à la grande rue, No 17. На сей разъ проспише!

=

ЖЕНЕВА, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго черезъ Лафашера, не получалъ я опъ васъ ни одной строки. Не совѣшно ли вамъ такъ долго молчать? Вы знаете, что я шолько посредствомъ васъ общаюсь съ любезнымъ моимъ опечесствомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ Авторовъ, и старыхъ и новыхъ, чшобы имѣть полное понятіе о Французской Литтературѣ; бываю на Женевскихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ. Спрогій, любезный Руссо! соопечесственники швои не послушались тебя, построили театръ и любятъ его спрасшно *. Здѣсь играють двѣ

* Руссо съ великимъ жаромъ ушверждалъ, что театръ вреденъ для нравовъ.

Дижонскія Труппы: одна лѣтомъ и осенью, а другая зимою и весною: первая оперы, а вторая комедіи и трагедіи. Двѣ или три актрисы, два или три актера, играютъ и поютъ очень изрядно. Недавно представляли Аписса, большую оперу, кою музыка сочинялъ славный Пичини. Въ композиціи есть нѣчто великое, возвышающее душу. Арія: *Vivre ou mourir*, кою поютъ несчастные любовники, гонимые судьбою и ревностію жестокой Цибеллы, прекрасна, несравненна. Изъ маленькихъ Французскихъ оперетокъ полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ *les petits Savoyards* (маленькіе Савояры); есть прорагательныя мѣста, и почти всѣ голоса очень хороши.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ человекъ двѣнадцать. Датскій Баронъ, Французскій Маркизъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и Капитанъ Женевскаго полку, играютъ за столомъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говоритъ хорошо по-Нѣмецки, и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французскій языкъ, хотя не всѣ ему въ томъ вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ бранился по-Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ противорѣчій, и гошовъ драпъ всякую минушу; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ, и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ актеровъ. — Маркизъ рассказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Женеву ошдыхашъ, и никакъ не хочетъ заводить

знакомствѣ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе. Даетъ чувствовать, что онъ Авторъ; хвалишь Ж. Жака, и уверяетъ, что онъ писалъ электрическимъ перомъ; а Корнель, по его мнѣнію, есть величайшій изъ мужей, когда-либо произведенныхъ Нашурою. Вольшеръ, говоритъ онъ, былъ человекъ умный, но рассуждалъ очень худо. Однакожь Г. Маркизъ собирается ѣхать въ Ферней, думая, что въ Вольшеровомъ кабинетѣ крылатое вдохновеніе спустился на его голову. — Женевскій Капitanъ, служившій нѣсколько лѣтъ Королю Прусскому, говоритъ весьма охотно и по временамъ осмѣливается противорѣчить Барону; но всегда принужденъ бываетъ ретироваться, когда загремятъ грома изъ устъ Баронскихъ. Всѣ піесы, играемыя на здѣшнемъ театрѣ, хвалишь онъ одинакимъ образомъ. *Эдипъ*, по его словамъ, *est rempli de sentiment* (исполненъ чувства) и опера *Кузнецъ*, *est rempli de sentiment* (исполненъ чувства). Простосердечіе и невѣжество его часто заставляють насъ смѣяться. — Между прочими есть еще одинъ примѣчаніа достойный человекъ, родомъ Женевецъ, который объѣздилъ всѣ чешыре часши свѣта, присвоилъ себѣ право лгать немилосердо, и хотѣлъ уверить меня, что многіе изъ жишелей Папагоніи бываютъ ростомъ въ чешыре аршина.

Докторъ Беккеръ пріѣхалъ въ Женеву. Мы вспрѣшились на улицѣ и бросились обнимать другъ друга, какъ старинные друзья об-

нимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемъ и пьемъ чай передъ каминомъ; онъ нанялъ себѣ комнашу въ тойже улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графъ Молпке и Поэтъ Багзенъ, оспались въ Бернѣ. Последній скоро женился, и самымъ романическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ поѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Опшуда пробрались они черезъ горы въ Уншерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чшобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту минушу, какъ лодшникъ хотѣлъ уже опвалишь опъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мущиною,—дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ плащѣ, съ тростью въ рукахъ,—приблизилась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ ппичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари печальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): *Bonjour, Messieurs!* Они изумились опъ сего нечаяннаго явленія, пристально посмопрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспомнили, что имъ надлежало опвѣчать на привѣтствіе миловидной незнакомки. Докшоръ Беккеръ увѣряетъ меня—а онъ человекъ правдивой—Беккеръ увѣряетъ, что они опвѣчали ей весьма хорошо, хошя Графъ на второмъ словѣ заикнулся, а Багзенъ и онъ Докшоръ ничего не сказали. Уже волны Тунскаго озера помчали

лодку на влажныхъ хребтахъ своихъ — или, просто сказать, они плыли и начинали мало помалу разговаривать. Дѣвушка сказала Дашчанамъ, что она съ дядею своимъ посѣщала въ Уншерзеенъ больную, добрую свою кормилицу, и возвращается въ Бернъ. Какъ же вы оставили ее? спросили чувствительные путешественники съ видомъ заботливости. «Славу Богу! ей спало гораздо легче» — отвѣчала незнакомка. Потомъ она захотѣла знать о происшествіи и фамилію своихъ сопутниковъ; узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Дашскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Тунъ пристали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до штактира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тутъ свѣдали они отъ штактирщика, что прелестная сопутница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣжалъ къ ней снова представляться, и увѣрялъ ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. «Ахъ! если бы вы знали его лично!» сказала она съ чувствомъ:» въ самой спароси плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу удержаться отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человечества полезныхъ трудовъ — безпечно и весе-

ло игривалъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня на колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею.» — — Тупъ милая Софія бѣлымъ плашкомъ обтерла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвицею Галлеръ, и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунъ. «Не ужели мы на всегда просшимся?» сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Беккеръ просянулъ голову впередъ, въ ожиданіи отвѣта ея. Она улыбнулась, и подала Графу карточку: *вотъ адресъ нашей фамилии, которая почтетъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Дѣтчане изъявили ей благодарность свою, и пошли въ опведенную имъ комнату. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должностъ явиться съ почтеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однакожъ дядя и тетка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ мы пріятную нашу спутницу? вошъ вопросы, на которые эшотъ дядя и эша тетка принуждены были отвѣчать всякую мину.* Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвраши-

лась дѣвица Софія ; Дашчане увидѣли свою пріятную сопушницу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показалась имъ еще прелестнѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки — и всѣ были довольны. Ввечеру предложили гулянье ; собрались пріятели и пріятельницы — но Дашчане никого не видали, никого не слыхали, кромѣ Софіи. Разспались съ тѣмъ, чшобы на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти также. Въ сіе время Беккеръ примѣшилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ притребованія на опличную благосклонность ея. Графъ примѣшилъ, можетъ быть, то же, сдѣлался пасмуренъ, скоро совсѣмъ пересталъ ходить къ Софіи, и началъ искашь разсѣянія въ Бернскихъ обществахъ. Что принадлежишь до Багзена, то едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ спрасшно любить своего Фаона, какъ онъ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомъ треножникѣ, не претепшала такъ сильно въ священныхъ воспоргахъ своихъ, какъ претепшалъ нашъ молодой Поэтъ, прикасаясь устами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомъ, когда онъ говорилъ

съ нею, и чувства его были — пламя. Онъ не осмѣливался сказать ей: я люблю тебя! но нѣжная Софія понимала его, и не могла бытъ равнодушна къ такому любовнику. Она стала не такъ жива и весела, какъ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блистали какъ молніи. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ аллеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самого того времени, какъ плашони-ческой любовникъ, въ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софіею и схвативъ ея руку, сказалъ: она моя! *твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ счастливы!* . . . «Она моя» — отвѣчала Софія, посматрѣвъ на него съ нѣжностію: «она моя! и я надѣюсь бытъ съ тобою счастлива!» — Пусть другой, а не я, опишетъ сію мину! — Въ тотъ же самый вечеръ всѣ родспивенники дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ея жениха и своего друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили бытъ свадьбѣ. — Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того счастья, которое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ восторгѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію. — Между тѣмъ Графъ Молшке совершенно успокоился и радуется счастію своего друга; Беккеръ также радуется

ся — и рассказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; деревья желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ — и горестъ мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что печеніе Нашуры есть образъ нашего жизненнаго теченія! . . . Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро проходишь лѣто — и въ сію минушу сердце мое чувствуетъ холодъ осенній. Простите, друзья мои!

=

ГОРА ЮРА, 8 НОЯБРЯ 1789.

Тавернье, который объѣздилъ большую часть свѣта, — Тавернье говорилъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скалѣ высокой Юры, недалеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы: и такъ, взявъ въ руки Діогенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славный Французской путешественникъ.

Томъ III.

8

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрь, повыше городка Обоня — смопрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣшное озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ — по сию сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, копорья одна другую пересѣкающъ, расходящся и опяшь соединяющся, и на копорыхъ движущся люди какъ дѣшельные муравьи — а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, спрашныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая Бѣлая гора въ снѣжной своей маншѣ, въ алоцвѣшной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ. . . . Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: что выше меня? и Европа отвѣщаетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! я долженъ оставить сію землю. . . Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрь, и жизнь моя прощечетъ какъ восхитительный сонъ! . . . Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный рельефъ Нашуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но если огнедышущіе Вулканы не превращаютъ въ пепелъ

красотъ своихъ — есѣли земля не разступится подъ ногою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можешь быть, дѣши друзей моихъ придуть на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будешь для нихъ незабвенна!

Солнце закатилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя твердь — еще сіяютъ при холма *Бѣлой* горы. Шумитъ вѣтеръ — облака показывающа на западъ, разливающа по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

=

Обонь, 11 часовъ вечера.

Тавернье, возвращаясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но страсть къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его — будучи осьмидесяти четьрехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и окончилъ многотрудную жизнь свою въ столицѣ нашего государства, въ 1689 году. Возвращаясь въ Москву, я постараюсь найти гробъ сего достопамятнаго человека, который объѣздилъ всю Европу и

Азію , шесть разъ былъ въ Туреціи , Персіи , Индіи , и все еще не насытился путешесствіями. — Отецъ его торговалъ географическими картами ; сынъ любилъ ихъ разсматривать , и часто говорилъ отцу: *Ахъ, батюшка ! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли , которыя изображены здѣсь на бумагѣ !* Вотъ начало его страсти!

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой ! Одинъ родился и умираетъ въ отцевской своей хижинѣ , не зная , что дѣлается за полями его ; другой хочетъ все знать , все видѣть — и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности : одна влечетъ сердце наше всегда къ новымъ предметамъ , а другая привязываетъ насъ къ старымъ ; одну называютъ непостоянствомъ , любовью къ новостямъ , а другую привычкою. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ переменъ ; однакожь , расставаясь съ шѣмъ , къ чему душа наша привыкла , чувствуемъ горестъ и сожалѣніе. Щастливъ тотъ , въ комъ сіи двѣ склонности равносильны ! но въ комъ одна другую перевѣситъ , тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою , въшреннимъ , безпокойнымъ , мелкимъ въ духѣ ; или холоднымъ , лѣнивымъ , нечувствительнымъ. Одинъ , перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету , не можетъ ни во что углубиться , дѣлается разсѣяннымъ , и слабѣетъ сердцемъ ; другой , видя и слыша всего *то же да то же* ,

грубѣешь въ чувствахъ , и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, пошому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія. — Чишайше Тавернье, Павла Люкаса, Шарденя и прочихъ славныхъ путешественниковъ, которые почти всю жизнь свою провели въ странствіяхъ : найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу? — Ахъ, друзья мои! человекъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ чужихъ земляхъ, между чужими людьми, не тоскуя о шѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, пишался однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался — сей человекъ никогда не будетъ мнѣ другомъ!

Просише! Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, и мягкая поспеша манитъ меня въ свои объятія.

ЖЕНЕВА, 26 НОЯБРЯ 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того, что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я опъ роду не чувствовалъ, и копорая

не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на сполъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Напура сжалилась надъ бѣднымъ спрадальцомъ, и сняла съ головы моей свинцовую пягоспъ. Вчера я въ первый разъ вздохнулъ свободно, и первый разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною — я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось наслаждаться, — чувствуешь такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минушу исчезло разделяющее насъ пространство — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Напурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ прошивъ матери моей, Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетъ чашу дней моихъ!

ЖЕНЕВА, ДЕКАБРЯ 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать три года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевского озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочешь! — Довѣренность къ Провидѣнію — довѣренность къ той невидимой Рукѣ, копорая движешь и міры и атомы; копорая бережешь и червя и человека — должна бытъ основаніемъ нашего спокойствія.

Эпошъ день хотѣлъ бы я провести съ вами: но какъ бытъ! — Спану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните нынѣ своего друга.

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ я обѣдать у Барона де-Лю, а ужинашь въ шракширѣ Золотыхъ вѣсовъ, гдѣ у насъ будетъ веселый концертъ.

=

ЖЕНЕВА.

Вы можете бытъ удивляешесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, копорый живешь версшахъ въ чешырехъ опъ Женевы, въ дере-

внѣ Жапшу. Мнѣ сказали, что онѣ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ: почему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Натуралиста. Но третьяго-дни Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягость. Мы пріѣхали къ нему поуспру, но не заспали его дома: онѣ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Русской путешественникъ желаетъ бытъ у него — и на другой день Боннешъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время постучался я у дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннеша, и удивился. Я думалъ най-ти слабаго спарца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ — обветшалую скинію, копорой временный обитатель, небесный гражданинъ, утомленный безпокойствомъ плесной жизни, ежедневно сбирается лѣтъ обратню въ свою опчизну — однимъ словомъ, развалины великаго Боннеша. Что же нашелъ? хопя спарца, но весьма бодрого — спарца, въ глазахъ котораго блискаетъ огонь жизни — спарца, котораго голосъ еще швердъ и пріятень — однимъ словомъ, Боннеша, опъ котораго можно ожидать впорой *Палингенезіи* *. Онѣ встрѣшилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку. «Вы

* Титулъ одного изъ его сочиненій.

видите передъ собою такого человека, сказалъ я, копорый съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и копорый любилъ и почитаетъ васъ сердечно.» Я всегда радуюсь, отвѣчалъ онъ, когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе*, сказалъ онъ, приставляя къ уху длинную мѣдную трубку, чшобы лучше слышать: *чувства мои тупыютъ*. Я не могу отъ слова до слова описатьъ вамъ разговора нашего, копорый продолжался около шрехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкопорыми ошрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ равнымъ себѣ, и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, чшо всѣ услышныя слова кажутся ему языкомъ сердца: онъ не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая розница между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первый съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человекѣ, копорый хвалилъ его; но Боннетъ за всякую услышность старается плашить учтивостію. Правда, что бой между нами не могъ быть равенъ: я го-

ворилъ съ Философомъ , всему свѣшу извѣ-
стнымъ , и всѣми превозносимымъ ; а онъ го-
ворилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣ-
стнымъ ему человѣкомъ.

Боннешъ позволилъ мнѣ переводить его со-
чиненія на Русской языкъ. «Съ чего же вы ду-
маете начать?» спросилъ онъ. Съ *Созерцанія*
Природы (*Contemplation de la Nature*) ошвѣчалъ
я, которое по справедливости можешь быть
названо магазиномъ любопытнѣйшихъ знаній
для человѣка. — «Никогда не приходило мнѣ
на мысль, сказалъ онъ , чтобы это сочиненіе
было такъ благосклонно принято публикою
и переведено на столько языковъ. Вы знаете
(изъ предисловія къ *Contemplation*), что я хо-
тѣлъ бросить его въ каминъ. Но переведя
Палингенезію , вы переведете лучшее и полез-
нѣйшее мое сочиненіе. Ахъ , государь мой! въ
нашемъ вѣкѣ много невѣрующихъ!» — Ему
непріятно , что на Англійской и Нѣмецкой
языкъ переведено *Созерцаніе Натуры* безъ его
вѣдома. Когда Авторъ еще живъ, сказалъ онъ,
то надлежало бы у него спросить ся. — Бон-
нешъ хвалилъ одинъ Спаланцаніевъ переводъ,
а Нѣмецкимъ Переводчикомъ , Профессоромъ
Тиціусомъ , весьма не доволенъ потому , что
сей ученый Германецъ думалъ поправлять его,
и собственныя свои мнѣнія сообщалъ за мнѣ-
нія Сочинителевы. Я сказалъ Боннешу , что
Тиціусъ , не смотря на свою ученость , во
многихъ мѣстахъ не понималъ его. На при-
мѣръ начало : *je m' élève à la Raison Eternelle,*

перевелъ онъ: *ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft*: грубая ошибка! Въмѣсто *Vernunft* надлежало бы сказать *Ursache*; подъ словомъ *raison* разумѣлъ Авторъ причину, а не разумъ. Боннeshъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалишъ его сердце и таланты, но не совѣтуешъ никому учиться у него Философіи.—Лафатеръ, будучи не давно въ гостяхъ у Боннеша, вдругъ схватилъ съ него парикъ и сказалъ сыну своему, который прѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри, Генрихъ! гдѣ ты увидишь такую голову, тамъ учишь мудрости.*

Говоря о честолюбіи Авторскомъ, Боннeshъ сказалъ: «Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудясь для собственнѣйшей своей выгоды, они приносятъ пользу человѣчеству; ибо премудрый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ.»

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Риторомъ, слогъ его музыкаю, а Философію — воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патриотомъ, Боннeshъ не можетъ прошишь согражданину своему, что онъ въ *Lettres écrites de la Montagne* не пощадилъ Женевскаго правительсва.

«Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Боннeshъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города, какъ Женева; наши художники, ремесленники, купцы, женщины и дѣвушки, имѣютъ свои библіотеки, и читаютъ не только романы и стихи, но и философическія книги.» — И я

могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлыя ширады изъ Вольтера, и что Женевскія дамы, въ домъ у Господина К*, слушающъ съ великимъ вниманіемъ одного молодаго Графа, Маришенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ шайну шворенія.

Бонпетъ вызвался словесно или письменно объяснить для меня шъ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, копорыя показуся мнѣ шемными; но я избавлю его опъ сего шруда.

Почтенный спарець проводилъ меня до крыльца. — Знаете ли, какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовушъ его? *Инсектомъ* — для того, что онъ писалъ о насѣкомыхъ!

=

ЖЕНЕВА, Января 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинающся несогласія. Спранные люди! живутъ въ покойшвіи, въ довольствѣ, и все еще хопяшъ чего-то. Нынѣ слышалъ я пышную проповѣдь, на шекспъ: *если забуду тебя, о Іерусалимъ! то да забудетъ себя рука моя, и да прилипнетъ языкъ къ гортани моей, если ты не будешь главнымъ предметомъ моей радости* *! Разумѣетсѧ, что Іерусалимъ значилъ Жене-

* По Французскому переводу.

ву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ обществу; доказывалъ, что Республика ихъ щаслива со всѣхъ сторонъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семъ общемъ согласіи основывается личная безопасность каждого. Въ церкви было множество людей, а особливо женщинъ, хотя Ришоръ обращался всегда къ братьямъ, а не къ сестрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали — я самъ несказанно былъ тронутъ, видя слезы красавицъ, матерей и супруговъ.

Вотъ письмо къ Боннету, писанное мною вчера поштру :

M o n s i e u r ,

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois, Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer, ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style; mais pour conserver toute la fraîcheur de beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*,

ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cultivée, et nous avons encore très peu de livres de philosophie et de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, et même créer de nouveaux mots, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencé à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force nécessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, et Vos expressions sont si précises, que pour aprésent je n'ai qu'à Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à Vous, en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois, pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'estime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu et medié Vos ouvrages, et qui m'aidera dans mon agréable travail; et peut être que dans l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie*, pour en faire un present à son ami, à son retour dans sa patrie.

En présentant au Public ma traduction, je dirai: je l'ai vu lui-même, et le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remercimens de l'accueil favo-

nable que Vous avez eu la bonté de me faire, et le respect profond, avec lequel je suis *,

M o n s i e u r ,

Votre très-humble

et très-obeissant serviteur

N. N.

* «Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, думая, что письмо мое «обезпокоитъ васъ менѣе, нежели посѣщеніе, которое могло «бы на нѣсколько минутъ перервать ваши упражненія.

«Съ величайшимъ вниманіемъ читалъ я снова ваше Со- «зерцаніе Природы, и могу сказать безъ тщеславія, что «надѣюсь перевести его съ довольною точностію; надѣюсь, «что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. Но для того, чтобы «сохранивъ всю свѣжестъ красотъ, находящихся въ подлин- «никѣ, мнѣ надлежало бы имѣть Боннеповъ духъ. Сверхъ «того языкъ нашъ хотя и богатъ, однакожь не такъ обра- «бопанъ, какъ другіе, и по сіе время еще весьма немногія филосо- «фическія и физическія книги переведены на Русской. Надо- «бно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, по- «добно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ «писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая всю «справедливостъ сему послѣднему, котораго богатство и сила «мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гора- «здо пріятнѣе. Переводъ мой можетъ быть полезенъ — и «сія мысль послужитъ мнѣ ободреніемъ къ преодолѣнію всѣхъ «трудностей.

«Вы пишете такъ ясно, что на сей разъ я долженъ толь- «ко благодарить васъ за данное мнѣ позволеніе пребывать у «васъ изъясненія въ такомъ случаѣ, если бы что нибудь «показалось для меня непонятнымъ въ *Созерцаніи*. Можешь «быть, трудно будетъ мнѣ выражать ясно на Русскомъ «языкѣ то, что на Французскомъ весьма понятно для вся- «каго, кто хотя не много знаетъ сей языкъ.

«Я намѣренъ переводить и вашу *Палингенезію*. Одишь «пріятель мой, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я люблю «читать ваши сочиненія и будетъ моимъ сотрудникомъ; «можешь быть въ самую сію минуту, когда имѣю честъ

Вопръ отвѣтъ:

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre langue comme un François qui l'a cultivée, et je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palin-génésie* que la *Contemplation*, et ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extrêmement sensible, celui d'être connu d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, et qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit diner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, et nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, et la satisfaction, qu'il goûte à me lire et à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

«писаніе къ вамъ, онъ переводитъ главу изъ *Созерцанія* или «*Палингенезіи*».

«Предлагая публикѣ переводъ мой, скажу: я видѣлъ его «самого, и чиншатель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ своемъ.

«Изъявляя признательность мою за благосклонный пріемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь бытъ» — и проч.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens
pleins d'estime et de considération avec lesquels j'ai
l'honneur d'être,

M o n s i e u r,

Votre très-humble

et très obéissant serviteur,

*Le Contemplateur d. l. Nature. **

* Начало письма есть не что иное, как одна Французская учтивость. — «Я радуюсь, нашедши такого переводчика: «вы конечно хорошо переведете и *Палингенезію* и *Созерца-ніе*. Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что «вы познакомили съ его сочиненіями такую націю, кошую «онъ уважаетъ.

«Не можно ли вамъ въ Попедѣльникъ, то есть 25 числа «сего мѣсяца, опобѣдать со мною *по-философски* въ сельскомъ «моемъ уединеніи? Если можно, то около двѣнадцати ча- «совъ буду ожидать васъ, и мы поговоримъ о томъ трудѣ, «кошорымъ вы намѣрены обязать меня. Прошу объ оп- «вѣщѣ.

«Мнѣ пріятно слышать, что у васъ есть пріятель, «кошорый вмѣстѣ съ вами любитъ просвѣщеніе, и находитъ «удовольствіе въ чтеніи моихъ сочиненій.

«Увѣряя васъ въ моемъ уваженіи, имѣю честь быть,

«Государь мой,

«Вашъ покорный слуга,

«*Созерцатель Природы.*»

=

ЖЕНЕВА, 26 ЯНВАРЯ, 1780.

День вчера былъ очень хорошъ, и я отпра-
вился въ Жаншу пѣшкомъ; но скоро небо по-
мрачилось, и сильный дождь принудилъ меня
искать убѣжища. Я зашелъ въ крестьянской
домикъ, гдѣ многочисленное семейство сидѣло
за обѣдомъ. Хозяинъ, узнавъ причину нечаян-
наго посѣщенія моего, принесъ мнѣ спулъ изъ
другой горницы, и просилъ меня опѣдать
каршофелей, сваренныхъ его женою. Я опѣ-
далъ, похвалилъ, и положилъ вилку. — «Что
же вы не ѣдите?» — Я иду обѣдать въ Жан-
шу, къ Г. Боннешу. — «Къ Господину Бонне-
шу? И такъ вы съ нимъ знакомы?» — Зна-
комъ, хотя очень недавно. — «Какой добрый
человѣкъ! Всѣ поселяне любятъ его сердечно,
а бѣдные называютъ опцомъ и благодыте-
лемъ.» — Онъ помогаетъ имъ? — «Конечно;
никто еще не уходилъ отъ него съ печаль-
нымъ лицомъ.» — И такъ онъ много разда-
етъ денегъ? — «Очень много; и сверхъ того
говоритъ всегда такъ ласково, такъ умно,
такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ
навершывающся, и всякому хочется схватить
и поцѣловать руку его.» — *Правда, правда,*
батюшка! сказалъ большой сынъ моего хозяи-
на. *Правда,* повѣрила молодая жена его, взгля-
нувъ на мужа и на меня. — — Дождь пере-
спалъ, и я пошелъ, изъявивъ благодарность
мою гостепріимному и добросердечному посе-
лянину. И такъ Женевскій мудрецъ не шоль-

ко по сочиненіямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣческа!

Я нашелъ его въ саду; но онъ потчасъ повелъ меня въ домъ, примѣшивъ на кафшанъ моемъ слѣды дождевыхъ капель, — посадилъ въ кабинетъ своемъ передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чѣобы я не простудился. Судите по сему объ искусствѣ его пѣнать людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ — и если, по словамъ Виландовымъ, сочиненія Боннетовы заставляють читателей любить Автора, то милое обхожденіе его еще увеличиваетъ эту любовь. — Ни съ кѣмъ не говорю я такъ смѣло, такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряють меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человѣкъ!

«Вы рѣшились переводить *Созерцаніе Природы*, сказалъ онъ: начинайте же переводить его въ глазахъ Автора, и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Возьмите книгу, бумага, чернилица, перо.» — Съ радостію исполнилъ я волю его; съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ приблизился къ письменному столу великаго Философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его — и рука моя не дрожала, хотя онъ стоялъ за мною. Я перевелъ шипуль — первый параграфъ — и прочиталъ вслухъ. Слышу и не понимаю, сказалъ любезный Боннетъ съ усмѣшкою: но соотечественники ваши будутъ конечно

умнѣ меня. — Эта бумага останется здѣсь въ память нашего знакомства.

Онъ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести Contemplation, въ какой формѣ буду печатать эту книгу, и самъ ли спяну чинать корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Боннетъ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе то, что онъ общалъ мнѣ даже новыя, и самой Французской Публикѣ неизвѣстныя примѣчанія къ Созерцанію, которыя написаны у него на карточкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. «Я человекъ (сказалъ онъ), и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Стараясь о возможномъ совершенствѣ моихъ сочиненій, поправляю всякую ошибку, которую нахожу въ нихъ.» — Онъ хочетъ, чтобы я прислалъ къ нему два экземпляра перевода моего: одинъ для его собственной, а другой для Женевской публичной библіотеки.

Почтенный старецъ бережетъ слабые свои глаза, и почти ничего самъ не пишетъ, а все диктуетъ Секретарю.

На вопросъ, чью Философію преподають у насъ въ Московскомъ Университетѣ? отвѣчалъ я: Вольфову — отвѣчалъ наугадъ, не зная того вѣрно. Вольфъ есть хороший Философъ,

сказалъ Боннешъ: но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методъ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.

Въ часъ мы сошли въ залу нижняго этажа, гдѣ гошовъ былъ обѣдъ, и гдѣ ждала насъ Госпожа Боннешъ, которая лѣтами моложе своего мужа, но здоровьемъ гораздо его слабѣе. Она также обласкала меня; и между тѣмъ, какъ Боннешъ ѣлъ супъ, хвалила мнѣ тихонько доброту его сердца. «О его разумъ, о его «знаніяхъ пусть судитъ публика; но я знаю «то, что любовь его, добронравіе и нѣжныя «попеченія составляютъ мое щастіе. Мнѣ ка- «жешся, что безъ него я давно бы лишилась «жизни, будучи такъ слаба и не здорова; ви- «дя же его подлѣ себя, терпѣливо переношу «всѣ припадки, всякую болѣзнь, и вмѣсто роп- «танія изъясляю Небу благодарность мою за «такого супруга.»—О чемъ вы говорите? спросилъ Боннешъ, перемѣнивъ тарелку. О хорошей погодѣ, ошвѣчала Госпожа Боннешъ, и утерла плашкомъ глаза свои.

Я сидѣлъ между ими, какъ между Филемомомъ и Бавкидою. Обѣдъ былъ очень хорошъ, и такъ изобилень, какъ Природа, описанная хозяиномъ. — Когда же мы пили кофе, пришелъ пошъ Дашчанинъ, живописецъ, о которомъ говоритъ Боннешъ въ Contemplation, и который живетъ у него въ домѣ. Онъ началъ рассказывать о болѣзни Гжи Соссюръ, племянницы Боннешовой, и говоря по-Французски

не очень хорошо, на прешьемъ словѣ остано-
вился, и нѣсколько времени не могъ сыскать
выраженія. Почтенный спарецъ сидѣлъ, при-
савя къ уху мѣдную трубку, и съ величай-
шимъ терпѣніемъ дожидался, пока живописецъ
могъ изъясниться. Эша черта для меня ха-
рактерна, и показываетъ крошечность Боннешо-
вой души, копорая никого и ничѣмъ оскор-
бить не хочетъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Женевы,
призвалъ кучера и велѣлъ ему закладывать
карету. Если бы вы видѣли, какими глаза-
ми смотрѣлъ на него эшопъ кучеръ! и какимъ
голосомъ отвѣчалъ ему: слышу, добрый, любез-
ный господинъ мой, слышу! Всѣ домашніе лю-
бятъ его какъ отца.

Жалѣешь ли о томъ, что онъ не имѣетъ дѣ-
тей, копорыя могли бы развеселить мрачную
осень дней его? Но мудрецъ, дружелюбно бе-
сѣдующій съ Геніемъ Нашуры — мудрецъ, по-
читающій весь родъ человѣческой однимъ се-
мействомъ, и трудами своими споспѣшеству-
ющій его просвѣщенію и благополучію — мо-
жетъ быть щасливъ и безъ сего удоволь-
ствія.

Гжа Боннешъ любитъ и держитъ у себя
птицъ всякаго рода: попугаевъ, чижей, гор-
лицъ, и проч. «Не удивляюсь вашему вкусу,
сказалъ я: кто не любитъ того, что описано
вашимъ супругомъ?» Боннешъ вслушался, и
пожалъ руку мою. — «Однакожь знаете ли,
сказалъ онъ, что я часто ссорюсь съ моею

женою за книги? Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Паши * : слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находишь въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я — однѣ аншишезы. » — Гжа Боннешъ смѣялась, и говорила, что Сочинишель *Аналитическаго Опыта*, ** не всегда чувствуетъ красоты пиписческія. — Они довели меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ.

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы, и дни бываютъ такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылаешь огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и черезъ нѣсколько часовъ распаялъ; но всѣ вершины горъ имѣютъ покрышы. Видъ страннѣйшій! Вверху сѣдая зима со всѣми своими ужасами, а внизу ясная осень.

На сихъ дняхъ познакомился я съ Господиномъ Ульрихомъ, Цирихскимъ уроженцомъ, который природно-глухихъ и немыхъ учишь говорить, читаешь и пишешь. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человека, у котораго есть немая дочь, двѣнадцатилѣтняя, прекрасная собою. Посредствомъ его искусства и стараній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва — показывая ей, какъ для всякаго слова надобно

* Lettres sur l'Italie.

** Essai analytique sur l'amè.

распворапъ рошъ, двигапъ языкъ и губы — научаетъ онъ ее произношенію поновъ, а потомъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ не скоро и произносятъ извѣстные ей слова, то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ, кажется, никакъ не лзя изъяснить знаками! Третьяго-дни былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своею ученицею, и шакъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосъ ея есть нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ не лзя поправить. Она пишетъ чисто, и съ наблюденіемъ орѳографій. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякой день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанный складно, но только слишкомъ отрывисто. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналъ ея между прочимъ замѣтилъ я слѣдующее: *Госпожа Н. Н. звала меня къ себѣ въ гости — я не пошла къ ней — она не звала моего учителя. — Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ за шѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ л' Епе, который завелъ шамъ особое училище для нѣмыхъ. Чему удивишься болѣе: разуму ли учителя, или понятію учениковъ? Конечно сему послѣднему; но все*

вмѣстѣ заспавляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

На сихъ же дняхъ узналъ я и молодаго Верна. Вамъ извѣстны его *Франсіада* и *Voyageur sentimental*, въ кошорыхъ много хорошаго и шрогашельнаго. Онъ обѣдаетъ иногда въ нашемъ пансіонѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

THE FIRST PART OF THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY SAMUEL JOHNSON

IN TWO VOLUMES

LONDON: Printed by A. MILLAR, in Pall-mall

1729

THE SECOND PART OF THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY SAMUEL JOHNSON

IN TWO VOLUMES

LONDON: Printed by A. MILLAR, in Pall-mall

1729

THE THIRD PART OF THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY SAMUEL JOHNSON

IN TWO VOLUMES

LONDON: Printed by A. MILLAR, in Pall-mall

1729

THE FOURTH PART OF THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY SAMUEL JOHNSON

IN TWO VOLUMES

LONDON: Printed by A. MILLAR, in Pall-mall

1729

THE FIFTH PART OF THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY SAMUEL JOHNSON

IN TWO VOLUMES

LONDON: Printed by A. MILLAR, in Pall-mall

1729

THE SIXTH PART OF THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY SAMUEL JOHNSON

IN TWO VOLUMES

LONDON: Printed by A. MILLAR, in Pall-mall

1729

THE SEVENTH PART OF THE HISTORY OF THE

REIGN OF KING CHARLES THE FIRST

BY SAMUEL JOHNSON

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т Р Е Т Ъ Я Г О Т О М А.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

	Стран.
Письмо изъ Франкфурта, 31 Июля, 1789 . . .	1
„ „ — — — — — Августа 1.	6
„ „ — Маннца, 2 Августа.	8
„ „ — Мангейма, 3 Августа.	10
„ „ — — — — — 4 Августа.	13
„ „ — Спразбурга, Августа 6.	15
„ „ — Базеля.	22
„ „ — — — — — Августа 9.	35
„ „ — Реннфельдсена.	38
„ „ — Брука	—
„ „ — Цюриха, Августа 11 въ 10 часовъ вечера	43
„ „ — — — — — 12.	49
„ „ — — — — —	51
„ „ — Эглизау, Августа 14.	55
„ „ — — — — —	60
„ „ — Корчмы.	61
„ „ — Цюриха	63
„ „ — — — — — 26 Августа.	84
„ „ — Бадена.	86
„ „ — Арау, въ 8 часовъ вечера.	90
„ „ — Берна, 28 Августа.	92
„ „ — Туна, въ десяти часовъ вечера . . .	98
„ „ съ Тунскаго озера, въ 5 часовъ утра . .	99
„ „ — Альпійскихъ горъ	104
„ „ изъ Гриндельсвальда, въ 7 часовъ вечера .	107
„ „ съ горы Шейдекъ, въ 10 часовъ утра .	109

”	”	съ долины Гасли	112
”	”	изъ деревни Трахштъ.	121
”	”	— Уншерзеена	122
”	”	— Туна, въ 8 часовъ вечера	123
”	”	— Берна, 10 Септября	124
”	”	— Лозаны 130, 133 и 145	
”	”	— Женевы, Октября 2.	148
”	”	— — — — — Ноября 1.	161
”	”	съ горы Юры, 8 Ноября	169
”	”	изъ Обони, въ 11 часовъ вечера	171
”	”	— Женевы, 26 Ноября	173
”	”	— — — — — Декабря 1.	175
”	”	— — — — — Января 23, 1790	180
”	”	— — — — — ————— 26, ———	186

ПАМУТАЛИ.

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenija Karamzina

Bd.: 3

Sanktpeterburg' (1834)

P.o.russ. 55 p-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610039-1